

И. МАР

Железница
Август

ТОМ 2

Наталья Мар

Железный Аспид. Книга 2: Мир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40697780

SelfPub; 2019

Аннотация

Вторая книга дилогии. Бракованный робот вышел из Железного Аспида: попирает машинную логику, дерзит, криво пилотирует, плохо дерется. Теперь ему нужно убить дочь заклятого врага и уничтожить целую планету, пока не поздно... чтобы спасти границы империи. Выбор тяжел, и робот совершает ошибку за ошибкой, теряя время в ожидании чуда. Но он все-таки дает врагу шанс. Железный Аспид летит в аномальный мир арахнидов и мудрых растений. Там Его Величество ворует звездолеты, рубит головы и торгуется на космической барахолке – в надежде спасти всех. Или так не бывает, и всех спасти нельзя?

Содержание

Некролог	5
1. Глава о том, как выбрать правильный момент	20
2. Глава, в которой андроид нарушает моральный кодекс и межзвездную конвенцию	28
3. Глава, в которой Джуру водить	41
4. Глава, в которой робот ищет работу	53
5. Глава-назидание о вреде мелких краж, или как погубить змея его же оружием	65
6. Глава, в которой от зла до не-совсем-зла один разговор по душам	75
7. Глава с эффектом ореола и вечно бесполезным планом А	88
8. Глава с ароматом кофе и бергамота	102
9. Глава с агрессивным дизайном и гарантией три минуты	111
10. Глава с ноткой мыла. В главной роли – Ирмандильо Тарталья	121
Конец ознакомительного фрагмента.	124

В оформлении обложки использованы изображения с
<https://ru.depositphotos.com/>
и <https://www.shutterstock.com/> по стандартной лицензии

Некролог

– Может, пролог?

– Ты дослушай.

Шима кивнул и подлил себе курарчелло, отчего пузырек заманчиво треснул посредине. Редчайшая выдержка, восхитительный сорт. Кафт наспех выпил и на закуску швырнул пузырек об угол термостата.

– Так что там коричневый субкарлик?

– А, да, планемо. Звезда-неудачник. Ей не хватило жара, чтобы запустить термоядерный синтез, как положено. А планемо Эзерминори так не повезло, что стоило ей остыть, как на ней завелись паразиты. Насекомые плодились и множились, эволюционировали так и сяк... Но не могли превзойти размера самых обычных вшей. Ты ведь знаешь, их кровеносная система плохо разносит кислород. Вырастая, они начинают задыхаться. Но их амбиции не желали мириться с естественным отбором, и вскоре эзеры смекнули, что природу можно обмануть. Они овладели диастимагией. И научились менять свою анатомию – как и когда захотят, на сколько захотят.

– Но зачем?

– Сначала просто искали форму, которая будет лучше усваивать кислород, чтобы доминировать над остальным животным миром. Позже – над миром природы. И наконец –

над вселенной. Они много кого повидали, а повидав, убили и копировали. И птиц, и зверей, и гадов. Хлоп! – перед тобой таракан, хлоп! – пес или рыба. Хлоп! – обратно таракан. Но все было не то. Недостаточно удобно, недостаточно смертоносно. Ведь правильно: какой вид самый опасный?

– Мы...

– Да. Все закрутилось, когда Эзерминори посетил человек. Случайно, ибо нарочно туда никто не хотел попасть, разве что сумасшедшие. Очень скоро, получив личину гуманоидов в пару к своей, энтоморфы серьезно возвысились. Их имаго – реальные тела – тоже выросли. Видели нашего Бритца? Теперь эзеры пьют кровь побежденных, чтобы запастись эритроцитами. А используют запасы, когда летают, размножаются, линяют и воскресают. В себя приходят лишь по необходимости. Ведь быть монстром действительно удобнее, когда ты человек.

Уже привычным жестом Эйден обновил свой бокал варфарома. Он любовался на лабораторию сквозь его ярко-розовый цвет.

– Насекомые и мне испортили крови. Они были настолько жестоки, насколько талантливы. А цивилизация их, даром что из одного созвездия, давала жару всей имперской армии. Наконец, после сотен попыток осадить вшей, мы решили перерубить этот узел: взорвать Эзерминори, их столицу. Накрыть тараканов одним большим... тапком. Ой, да не смейтесь, Шима, я ему тут о грустном... Это было против

всех принципов, за тысячи лет врезанных в наши гены. Уничтожить целую планету – а ведь на ней, должно быть, жили миллиарды ни в чем не повинных эзеров.

– Бросьте! Каждый энтоморф с колыбели – по локоть в крови своих рабов!

– Но это их образ жизни! Я не могу винить ребенка в том, что он убивает, видя, как убивают взрослые. Мы просто не смогли найти решения лучше. Не справились. И времени, и сил терпеть уже не осталось. Мы решили выжечь их дом подчистую, как иные земледельцы, кому нечем удобрить почву, выжигают поле со всем зверьем, что там живет. Как полевой хирург рубит тебе руку по плечо, а ты лишь отморозил палец. Но у него нет времени и лекарств, чтобы рисковать твоей жизнью, доводя до гангрены. Мы были в отчаянии. Или теперь уговариваем себя, что были. Не стоит думать, будто я не казнил планеты. Но я давал им время, чтобы эвакуировать мирных, иногда даже ресурсы для этого. А Эзерминори с их гравитационной коронадой... Намекни я им заранее – ничего бы не вышло. Вернее... нет, вышли бы тысячи мертвых имперцев, сплюснутых вместе с кораблем до размера вот этого яблока. Но весом с целый дом. – глоток варфарома, вдох, выдох, снова вдох, чтобы Шима успел представить, как сам коллапсирует в яблоко. – В общем, я мог дать им три часа: от момента, когда коллаборат моих кораблей прибыл в их систему, до щелчка мышеловки.

Не случилось мне разрабатывать план сложнее и коварнее.

Козыри насекомых должны были сыграть против них самих. Но обо всем по порядку. Мы пригнали тринадцать флотилий – три тысячи крейсеров, не заметных с Эзерминори. Мои корабли не отражают ни фотона, а в том месте, где они закрывают собой звезды и могут себя выдать, они излучают свет нужной яркости и спектра. И на планете уверены, что видят звезду, а не копию на обшивке крейсера.

– А как же радары спутников?

– Да, радары... орбитальных там была не одна сотня, и это только боевых. Но нашей целью было скрыться от планетарных орудий. Мы просто сметали радар за радаром. А пустое место тут же занимал наш корабль. Отключал маскировку. Копировал сигнал эзеров. И с планеты казалось, что спутник на миг потерял связь, но тут же восстановил. Ты вообще не представляешь, насколько быстро нам приходилось проворачивать вот это все... На распад одного спутника и взлом его сигнала требуется пять секунд.

– И сколько же у вас ушло на все?

– Пять секунд.

– Нет, на все спутники.

– Пять секунд!

– А...

– Три тысячи крейсеров против трех сотен радаров, Шима. Какие у них были шансы? Я висел на орбите, и планета сверху казалась вся покрыта кровью, до того красная. Но я отвлекся. Итак, какие-то сигналы о нас поступили эзерам, но

их маршалы пришли в смятение: врага они не видят, спутники на месте и работают. Больше похоже на атмосферные помехи, на обычный сбой ресиверов. Да будь на их месте даже я, и то не стал бы вводить чрезвычайную ситуацию. Отослал бы данные о сбое на анализ и занимался своими делами, пока Ибрион не разнесло бы к чертям. Но эзеры были б не эзеры, если б не подняли авиацию даже по ничтожному поводу. Такая порода. Они всегда начеку, как разбойники, что спят с ножом под подушкой.

Как только их джеты вышли из атмосферы, нас раскрыли: с новых углов обзора мы были видны, как на ладони. Их первую эскадрилью разведчиков без труда растворили те наши крейсеры, что имитировали спутники. По-моему, наших коллапсировала всего дюжина. Их место тотчас заняли другие. Блазар! И когда я выучился говорить так холодно о потерях? Помню, как бесился из-за четверых людей... теперь смешно даже. – Эйден чокнулся пробиркой с пузырьком профессора и крутанул за хвостик чужое яблоко на столе. Оно завертелось по стеклу, как зеленая планета. – И вот – пока насекомые поднимали основной флот, мы ставили крейсеры на орбиту. Строили плотную сеть. На установку одного корабля уходило от трех до пятнадцати секунд, и мои ребята встраивались в контур неравномерно – ни по времени, ни по расстоянию.

Маршалы Эзерминори продолжали наблюдать бессовестно чистое небо, психовали и теряли один корабль за дру-

гим. Коллапсируя, наши позитронные двигатели взрывались и убивали стреляющего. Как пчелы: один выстрел – и награда посмертно. Боевых кораблей насекомых поднялось всего пятьсот против нас. И то – это колоссальная армия для одной планеты! И нам досталось. Вот имперский крейсер, и через секунду – горошина... Плесните своего курарчелло.

– Вы же в курсе, что на андроидов не действует алкоголь?

– О, Шима, вот умеешь ты... давай на «ты»... вот умеешь ты развеять эффект плацебо.

– Всегда к услугам. Но курарчелло мне не жалко, что ж.

– Ты вот думаешь, сколько времени нужно, чтобы уничтожить планету? День? Час? Шима, мы собирались уложиться в полчаса. Наверное, затем уж просыпаются совесть, жалость, сомнения. Нельзя было этого допустить. Очень скоро у Эзерминори не осталось никого, чтобы вести бой в космосе. На кораблях эзеров нет специальных радаров, чтобы вычислить несоответствие между положением звезд и их копий. Смерть косила их просто из ниоткуда. Мы потеряли в общей сложности двести крейсеров. Много. А теперь спроси, почему оно того стоило.

– Почему оно того стоило, Эйден?

– Все это время мы формировали из своих кораблей невидимый контур. Орбитальную сферу. Каждый шаг был рассчитан заранее: крейсер встает на свое место, запускает все телепорты, какими располагает, и цепляется ими к соседям. Каждый к четырем другим: эдакая... четырехвалентная

связь. А пятым, последним телепортом, команда отправляется в коллаборат свободных крейсеров на границе системы. Затем пятый луч встраивается в общий контур, замыкает ячейку, и корабль уже не может выйти оттуда, не нарушая целостности сферы вокруг планеты.

Каждый орбитальный крейсер имел свой конкретный, строгий план действий. Какие телепорты связать между собой, какими – прыгнуть на коллаборат. Как только эвакуировались три четверти людей – коллаборат перестал прятаться.

– Но ведь эзеры открыли огонь!

– Да. Сильнейшими планетарными коронадами, – вслед за Шимой андроид запустил своей пробиркой в тот же термостат, где остатки коктейля рассыпались фейерверком. – Они думали, что стреляют по коллаборату, а на самом деле – по сфере вокруг планеты. Она еще достраивалась, но корабли орбитального контура, связанные телепортами, принимались оружием за единое целое. И для коллапса не хватало мощности коронад. Понял теперь, чего мы хотели? Чтобы коллапсировал не каждый корабль по отдельности, нет... Чтобы контур целиком коллапсировал внутрь! – Эйден сжал яблоко в руке, и силы робота хватило, чтобы оно смялось и брызнуло. Кафт вздрогнул, а яблоко полетело в термостат. – Эзеры не понимали, что делали. Они решили нарастить силу удара до максимума, и на это требовалось еще какое-то время. Они не соображали, что это ловушка. Корабли с полными баками позитронов – сотни кораблей – готовые выстре-

лить собой в планету. Но насекомые думали, их коронада просто еще недостаточно сильно бьет. И крутили резистор, не задумываясь. А контур был почти закончен. Шли минуты... Мы не знали точно, сколько еще...

Когда на мостик ворвался энсин – очумелый, с буйным взглядом – я думал, эзеры обнаружили сферу или прорвали ее. Понимаешь? Вот что казалось мне катастрофой, вот из-за чего впервые в жизни сердце зашло.

Но помню, он прокричал:

«– Милорд, там Наэль риз Авир!.. Не вернулась в коллаборат! Перепутала телепорты, или они сработали не так... Вместо эвакуации прыгнула в какой-то из соседних кораблей! А эвакуация-то уже все!.. Телепортов досюда уж нет больше...

– Контур замкнут полностью? Еще остался где-нибудь разрыв? – мы с Джуром напали на штурмана. Герцог навис над лейтенантом, мешал ему вертеть конвисферу, расталкивал изображения. Я не оттеснял: Наэль – его племянница, его любимая проказница. Одна из немногих родных, кто и его любил в ответ. Я ожидал приговора штурмана, снаряжая личный шаттл.

– Нашел одну трещину! – догнал меня ответ лейтенанта, обернутый в стенания герцога. – Последний эвакуационный телепорт близко к Наэль – тыщ пять миль всего. Она уже бежит туда! Но Ваше Величество... мощность коронады эзеров на пределе. До коллапса орбиты десять ми...

– Разорви контур рядом с ней, – теряя голос, одним дыха-

нием взмолился Джур.

А я взбесился на него.

– Я не могу! Еще хоть один корабль снизит валентность – и контур схлопнется по частям! – я разбил руку о переборку, доказывая, как именно все будет. – И все пилоты в том бою погибли зря, да? Скажешь это их родным? Я не говорю о... (это было чудо, что так и не сказал. Не ткнул его в бюджетные траты на подготовку и осуществление плана). Джур, нам нельзя, Джур... Нет.

– Что значит, нет! Ведь это же...

– Координаты разрыва мне в шлюпку! – исчезая, я уже знал, что меня слышал весь флагман».

Пять тысяч миль Наэль должна была преодолеть за десять минут. Конечно, основную часть телепортами, но между ними – от шлюза до шлюза – на своих двоих через весь корабль. Через одиннадцать кораблей. По крейсеру в минуту, обивая колени о переборки и консоли. Бежать спринтом, как гепард, врезаясь ребрами в газовые кресла, которые вечно ни черта не видно! Падать на порогах модулей, расталкивать обрывки конвисфер. Оставлять кровь, слезы на погасших мониторах. Ломать ногти о клинкеты. Аварийные огни мигали и путали ее: в их свете теряешься даже в знакомых коридорах. Телепорт – шлюз – мостик – шлюз – телепорт... и снова. И снова. Стыковаться с контуром было нельзя. Я мог лишь подвести шлюп к разрыву и протянуть ей телепорт на свободный приемник.

«— Быстрее! — подгонял я, проклиная себя за это, ведь она и так бежала на пределе. На пределе были и мои нервы. И целой армии, наблюдавшей безрассудство двух первых лиц Империи. С Джуром-то все было понятно сразу. Но они там решили, что и я могу бросить все, бросить их ради нее! Это ведь естественно... для человека. Когда Наэль оставалась треть пути, контур засбоило: шлюп Джура стыковался с одним из кораблей ближе к ней.

— Нельзя, назад!

— Она не успеет к тебе! — рычали на меня из комм.

— Джур, ты выбьешь крейсер из контура! Будет еще дыра!

— Отвали от меня, р-робот, машина!»

Как же он, мать его, рисковал. Стыковка выводила систему из равновесия, когда одно неаккуратное движение — а Джур вел вручную! — и все пропало. Две дыры в сфере при таком уровне бомбардировки срывали весь план. Наэль и Джур могли погибнуть на орбите вместе. А эзеры посмотрели бы снизу, засняли на видео. Посмеялись бы потом. Я плюнул на свой разрыв и помчался навстречу риз Авиру. Я уже понял, что его не переубедить, и решил помочь со стыковкой. Не был уверен, что в состоянии заменить автопилот, но в той ситуации я был чуть лучше, чем ничего. С коллабората Проци верещал мне в динамик, что я сошел с ума... Так что комм пришлось отключить.

На шлюпках всего один телепорт, им я прыгнул к Джуру. Выгнал его из рубки, состыковался... не помню, как, но мы

остались живы. Значит, повезло. Я всегда считаю, когда не разбиваю корабль, что так звезды сошлись, потому что пилот я тот еще... Мы ждали Наэль в стыковочном фильтре, у шлюза. Молча. В тишине. Комм Джура валялся где-то в рубке – Вурис и его достал своими воплями. За минуту до схлопывания мы поняли, что четыреста девяносто девять миль в минуту – недостаточно быстро. Наэль была в пятистах милях от нас.

– Тридцать секунд, Джур. Уходим.

Я начал отстыковку, шлюз удалял кислород из фильтра.

– Нет! – он задыхался, а я мог не дышать совсем. – Успеет, Эй...

– Не успеет. Выйди из фильтра.

Давление падало. Десять секунд.

– Ты ублюдок, она же тебя любит!

– И я ее!

– Видимо, недоста...

Он потерял сознание. На исходе восьмой секунды мы отстыковались. На исходе девятой – в шлюз ворвалась... голограмма Наэль.

Теперь я знаю точно, насколько именно недостаточно я ее любил. На одну секунду. На во-о-от столечко, Шима. Я... был готов для нее на все – но до разумного предела. Ее цифровой образ рассыпался у меня в руках. Контур, в котором она осталась, ударил в Эзерминори.

Не могу вспомнить, что я чувствовал. Там, у шлюза, во

мне пульсировала только ее боль. В рубке она потеснилась для боли Джура. Его, ее. Не моя.

Шима не был уверен, что до конца понимает.

– А Эзерминори?

– Сотни громадных кораблей рухнули на планету – разом, со скоростью света. Росли грибы их термоядерных взрывов. То, что не погубили наши реакторы, доедала антиматерия из боевых отсеков. Когда я вернулся в рубку, все эзеры, что не успели на ковчеги, были мертвы, а то, что осталось от их планеты, до сих пор непригодно для жизни. Куски размером вот с этот город улетали в космос, целые горные цепи таяли в остатках позитронных лучей. Эзерминори была красива раньше. Наэль была еще красивее.

Я помню, Джур стоял спиной ко мне и делал вид, что разворачивает шлюп домой. Удивительно, именно в тот момент я понял, что уж его-то я бы точно дождался в том фильтре. У меня бы и мысли не возникло о погибших впустую героях, о тратах... будь на кону жизнь его или Вуриса. Как не возникло мысли вывести корабль рядом с Наэль из контура и надеяться, что это не обернется преждевременным коллапсом. Ведь шанс на чудо был. Неужели она того не стоила?

– Тебя это мучает?

– Нет. Меня мучает то, что меня это не мучает.

И снова профессор кивнул, уже порядком сбитый с толку их сеансом психоанализа.

– Флот смотрел, как догорает Эзерминори. Джур смотрел

на свое отражение в иллюминаторе. Я смотрел вглубь себя и ужасался. Не уверен, что уже начал дышать, когда заговорил... то ли с ним, то ли с его призраком у консоли. То был единственный момент за всю жизнь, который не остался в памяти ясным и подробным.

« – Не этого ты ждал от меня, когда отдавал корону. И уж точно не этого, когда подписывал мой сертификат качества.

– Эйден, прости, ты все сде...

– Я мог бы пообещать, что больше не подведу тебя, но ты ведь знаешь... Подведу еще – стоит только встать похожему выбору.

– Ты...

– Да перестань! «Эйден, ты все сделал правильно», хочешь сказать? «Правильно» сделал император, но не твой друг. Джур, я... просто не в состоянии им быть! Четыреста лет меня не покидала мысль: «почему он так добр, так бесконечно терпелив ко мне, – ему что же, больше дружить не с кем?» Ведь я совершенно отвратительный, самый неподходящий вариант для близких отношений всякого рода. Уйди! Отвернись от меня наконец! Я не могу больше выносить твою преданность – это бремя тяжелее короны».

Он не проронил ни слова. Выслушал молча. Будто машина, прошел мимо – к телепорту – и исчез. Он перенесся на другой шлюп, тот, что болтался неподалеку, и мы добирались до коллабората поодиночке.

– Джур не вмешивался в жизнь племянницы?

– Миллион раз он просил Наэль заглянуть правде в глаза и уйти, но она не могла. А я и не настаивал. С чего бы? Удобная женщина рядом. Послушная, красивая, тихая – идеальный компаньон. Но она-то положила на меня жизнь! И если б не таскалась вслед за мной... в горе и в радости... не погибла бы там, а потягивала бы коктейли на Ибрионе. Знаешь, Шима, положить жизнь на того, кому и в голову не придет рискнуть для тебя всем – это катастрофа.

За окном лаборатории светало. Все прежние исследования, все разработки научного центра показались Шиме ничтожными рядом с тем, что вдруг заимело первостепенное значение: изобрести наконец алкоголь для андроидов. Потому что одной машине он сейчас был очень, очень нужен.

– Это ведь случилось лет... сто назад. Герцог скоро остыл?

– А мы и не говорили с ним. С тех пор. – Эйден смотрел в одну точку, не моргая уже несколько минут. – Формально он оставался канцлером и превосходно исполнял свой долг, но меня избегал. Бедняга Ву стал посредником меж двух огней.

– Но ты до сих пор называешь их лучшими друзьями.

– Потому что они продолжают меня бесить. Джур молчит, но психует всякий раз, как я улетаю в зоны конфликта. Ву делает вид, что не присматривает за мной. Эти двое неисправимы. Казнить их разве...

Кафт поперхнулся курарчелло.

– А Вы? – донеслось из палаты, где утренняя синева и бой посуды разбудили пациента.

– А мне кажется, лишь после того, как Джур ушел тогда, я наконец выучился быть ему другом.

– Вот эт Вы заморочились... – проворчал господин Слун. – Запутались в своем клубке, аспиды имперские... ой, не в обиду, Вашчество.

– На правду-то чего обижаться.

Эйден обнаружил, что пробирки закончились, опрокинул варфаром из горлышка и заглянул в палату.

– Принимай работу, Шима! – крикнул он оттуда. – Мы победили уроборос.

1. Глава о том, как выбрать правильный момент

Личный кабинет Альды Хокс – просторный, с высоченным потолком – купался в свежем воздухе и мягких утренних лучах. Ветерок с улицы колыхал шелковые гардины. Работать здесь было одно удовольствие. Которым полосатая стерва в тот день поделилась с лучшим из лучших, дабы он составил за нее годовой отчет.

«Ты же у меня такой умница, Норти...» Он согласился лишь оттого, что в тюремных катакомбах он света белого не видел. А тут почти как дома. И аквариум встроен прямо в столешницу. Умиротворяет.

Рабыня помялась на пороге, переступила с ноги на ногу и подошла к столу, дребезжа подносом. Она поставила его на самый край и с содроганием отстранилась.

– Уйди с ковра, пожалуйста, – не поднимая головы, тихо бросил Кайнорт. – Это альпака редкой породы, мне бы не хотелось отправлять ее в химчистку за свой счет.

– М-меня прислала госпожа Хокс, минори, – лепетала де-вушка, стягивая шелковый шарфик и сминая его в ладони.

– Кто ж еще может достать здесь живую шчеру... а что, карминцы закончились? – Не дожидаясь ответа, эзер отложил бумаги и поднялся. Это был обеденный перерыв, и па-

учиха струсила не без оснований.

– Так и будешь стоять там? – Кайнорт оглядел белую шею и острые ключицы – чистые, без отметин от укусов. – Не чай же ты мне принесла.

Альда пожелала сделать любимцу приятное, но когда Бритц был занят, то предпочитал опытных рабов. С этой же не обойдется без грязи. Паучиха обошла стол и завозилась с застешками на блузке. Первая, вторая, тре...

– Куда, бестолковая? – прервал эзер, перехватил ее руку и развернул шчеру спиной к себе. – У меня нет настроения.

Девушка вздрогнула и сжалась, когда длинные пальцы зацепили воротник: Кайнорт привычным движением сдернул его вниз. Шея сзади обнажилась до лопаток. Эзер и не задумывался о девчонке, та была упаковкой, которую просто нужно вскрыть, чтобы поест. И вернуться к отчетам поскорее. В самом деле, ничто так не вдохновляет на умственный труд, как обеденный перерыв. Так что для привычного раба в этих манипуляциях не было ничего страшнее, чем когда хирург направляет свет или дантист опускает кресло. Но шчеру трясло, как на эшафоте. Она боялась опустить руки на стол, хотя ей говорили, что надо на что-то опереться, когда от потери крови закружится голова. Перед глазами все расплывалось. Живые рыбки – золотые, скалярии. Декоративный канцелярский набор в роскошном стиле. Она понятия не имела, что за имаго у минори за ее спиной, а когда не знаешь наверняка, каков монстр на вид, оттого еще страшнее.

Кайнорт еще не притронулся к ней. Он замешкался с поиском спрея для обезболивания, недоумевая, отчего Альда так далеко его запрятала. Ужель она садист круче Бритца? И тут девчонка не выдержала – как многие неопытные шчеры.

Набежала тень. Звуки, что наполняли кабинет, неожиданно стихли, притупился запах дорогого лосьона минори. Вдруг он толкнул ее вперед и прижал к столу. Девушка взвизгнула: искристые паруса крыльев взметнули портьеры на окнах.

– Скажи мне, любезная, отчего я потянулся за криоспре-
ем, а взял это? – горло уколол холодный нож для писем. Во-
лосы на затылке рвались у корней, натянутые хваткой эзера.

– Минори, простите! Я не хотела, я... случайно! Я больше не буду! Мино...

– Не верещи, – Бритц вполсилы приложил ее виском об аметистовую вазу, и рыдания захлебнулись. – Здесь кабинет посла, моя дорогая. Окажись на этом месте Хокс, за несанк-
ционированную диастимагию ты получила бы жало в печень. Не скажу, что со мной тебе повезло: я невосприимчив к тво-
ему воздействию и не ядовит, но... ты подняла мне настро-
ение.

Шчера заскулила. Послышались треск и хруст, когда из-
под ребер эзера, прямо сквозь ткань, выросли шесть острых
и цепких лап. Кайнорт был энтоморфом третьей линьки: той,
что давала возможность неполного превращения. Теперь он
имел две лапы, чтобы прижать руки девушки к столу, две –

чтобы удерживать голову и тело жертвы, а еще две забрались под одежду и кромсали ее вместе с кожей – не смертельно, просто небрежно. Голой исцарапанной спиной шчера кололась о тонкую шерсть жилета и хлопок рубашки. Свободную руку Бритц запустил под ее лохмотья, которые еще минуту назад были блузкой. Скользнул пальцами вдоль порезов от своих лап. Не спеша, как редкий ценитель болезненных узоров, написанных алой гуашью на дрожащем холсте. Опять склизко захлопало: эзер выпустил мощные жвала. Они выросли у него из-под горла, обхватили шею жертвы, сомкнулись на секунду и разошлись. Челюсти оставили глубокие порезы над ключицами шчера. Девушка вскрикнула, и полилась кровь...

– Без криоспрея совсем иной кайф, да? – шепнул Кайнорт и впился человеческими клыками ей в мягкую ямку за ухом. Кровь потекла в два рта – стрекозе для питания, человеку – для удовольствия. Третий мерзкий звук был гаже прежних: левой рукой, последней свободной, эзер щелкнул ремнем и расстегнул брюки. Коленом легко развел девушке бедра: сопротивляться или вывернуться из-под хватки уже не было сил – утекали с кровью. И шчера сдалась кошмару.

* * *

О серьезный настрой Самины разбились сомнения швейцаров на входе, отступили дежурные администраторы и оплавился караул. Она парировала возражения охраны, с разворота ударяя взглядом, жестом, крепким словом. Секре-

тарь Альды вскочила с места («постойте, у минори обед!»), но тотчас шмыгнула обратно. Чрезвычайно злая фурия во-
рвалась в логово Альды Хокс.

Запах сырого железа, окровавленные лохмотья из ткани и плоти на столе, переплетенье рук, лап, жвал... и широкие зрачки чудовища: Самина запечатлела кульминационный момент.

– Одну минуту, леди Зури... – мурлыкнул Бритц, продолжая удерживать рабыню в лапах, а себя – в ней. По правде, между Саминой и капитаном приличествовали стол и жертва на нем, но несложно было домыслить, чем обернулся перерыв на обед.

Серьезный настрой серьезно пошатнулся.

– Что ты... Отпусти ее, чудовище!

Бросаться на эзера было самоубийством, а что, если он и ее вот так... Мимолетный взгляд в пустой коридор дал понять, что помощи ждать не от кого. Но Бритц вздохнул и оправился, удачно прикрытый бесчувственным телом. Он не помял костюм, но был весь в крови – от скул до пояса. По меньшей мере.

– Отпусти девушку, – твердо прошипела Самина, и зрачки напротив сузились, принимая вызов.

– Перейдем к сути визита? – Кайнорт втянул лишние ноги и приподнял шчеру за волосы. Под всхлип Самины он разбил взлохмаченной головой своей жертвы стекло на столе, погружая ее в аквариум. Шчера забилась под его рукой. Пу-

зыри воздуха изо рта и носа давали понять, что она кричит под водой, но ладони скользили по сырой от крови столешнице, царапали острые края битого стекла. – Отпущу, как только закончим разговор.

Глядя на то, как щчера судорожно цепляется за убийцу, Самина едва не забыла, зачем пришла.

– Где мой брат? Он жив?

– Я не знаю. Это все?

– Что ты заставил его делать?

– Я не буду обсуждать это с тобой.

– А с кем! Кайнорт, он мой брат! Если он умрет, я заплачу всем дезинсекторам Браны, чтобы они тебя раздавили, вытравили!

– Ой, как вдруг захотелось пооткровенничать с тобой...
Время! Время, Самина.

Пузырей в аквариуме уже не было. Биолог в ужасе отступила назад, но промахнулась мимо выхода и врезалась в косяк затылком. Сзади в дверях возникла голова Альды Хокс. Шершень целиком заходить не стала, завопив из коридора:

– Норти! Мой ковер?!

– В порядке.

Моментально удовлетворенная, Альда кивнула и убралась восвояси. Похоже, она не заметила Самину или приняла за второе блюдо.

– Отпусти ее, Кайнорт, я ухожу...

Бритц отступил от щчеры – согласно договору. Тяжелым

мешком она скатилась по осколкам аквариума на пол, в ноги эзеру.

– Скорее. Не думаешь ли ты, что я сам вызову ей медиков, – и уже в спину ей донеслось:

– И тебе, кстати!

Только через два-три коридора Самина поняла, о чем он: тем ударом о косяк она рассекла затылок, и вдоль позвоночника струилась теплая кровь. В медицинском крыле находилась эзер-фельдшер.

– А я повторяю: после минори Бритца только на эвтаназию. Девушка, Вы меня задерживаете.

– Да ведь она жива!

– Страховка рабов не покрывает реанимацию.

– Я заплачу! – биолог высыпала ей на пост кредитки. Фельдшер поджала губы, пискнула одной карточкой и передала вызов бригаде.

Самина вышла из башни, села на ступени и схватилась за голову. Добираясь к Башне Эзеров, она представляла, как хватает стрекозу за жвала и трясет, пока не добивается признаний. А что в итоге? Опять щелчок по носу. Но прямо сейчас, на этих ступенях, Самина решила: этот будет последним. Она наконец поняла правила. Девушка отняла бактерицидную салфетку от затылка и развернула комм:

– Мне срочно нужно кое-что достать. Три вещи.

– Все, что угодно.

– Во-первых, имперскую форму Эйдена. Я ему обещала.

На том конце вздохнули и скептически хмыкнули.

– Это будет непросто.

– Да или нет?

– Дальше, дальше, дальше!

Самина продиктовала заказ. Мимо нее шли, ползли и летели насекомые, плелись изможденные пауки. Девушка на лестнице их не замечала. Ей нужен был план – прямо сейчас, не сходя с этого места. Ее прежний мир и семью рвали враги: сильные, древние, хитрые. Нельзя было оставить все, как есть.

2. Глава, в которой андроид нарушает моральный кодекс и межзвездную конвенцию

Безмятежный и размеренный, забытый министерством, а оттого чрезвычайно скучный, институт малопонятных наук до сего утра не видал такого ажиотажа. Только четверо знали, в чем дело. Остальные – недоумевающие лаборанты, научные сотрудники, роботы-ассистенты – передвигались вдоль стенки мимо спецагентов, шарахались от репортеров и боялись лишний раз выйти по нужде. В курилках были заторы из самых нервных. На этаже испытателей кто-то пошутил, что спекулирует опытными образцами тарантула-невидимки, и от него бросились врассыпную. Бюrlen-Дукк продирался сквозь жужжание и гудение сплетен, слухов. Были и те, кто решил, что на доцентов учредили облаву из-за растрат и коррупции. Хотя бюджет НИИ, кажется, не пополнялся еще с Хмерса, и растрачивать в нем, кроме мышей, было нечего. К обеду большинство работников симулировали приступ и отпросились по домам. По коридорам шатались исключительно железные волей: роботы.

Нужный андроид нашелся в отделе кибернетики, где репортеров было меньше всего. Он устроился в кабинете Бена, на стуле Бена и ногами на его столе. Эйден запрокинул стул

на две задние ножки, прикрыл глаза и скрестил руки. Мини-Джур вертелся на его плече. За их эквилибристикой наблюдал тихий и чинный Слоун – готовый для наглядной демонстрации: аккуратно подстриженный, одетый с иголки. Ковыряющий недра уха мизинцем. Как только хозяин кабинета ступил на порог, откуда-то выстрелила паутина безопасности, заключая императора в кольцо. Тот не пошевелился. Слоун же округлил глаза и спрятал некультурный мизинец за спину, а из двух углов рядом с дверью выплыли охранники. Бен понял, что императора перевели на чрезвычайный режим. Не сболтнуть бы лишнего при людях Бритца, решил он.

– Ваше Вели... – куратору показалось, что андроид не слышит, и шагнул ближе, рискуя напороться на сеть. – Ваше Величество!

Он надеялся, что таким образом нарушит равновесие системы стул-высокомерная задница-стол, и оккупант рухнет на пол. Эйден лениво скрипнул:

– Перезагрузка системы. Идет процесс установки обновлений.

– Серьезно?! У меня полный холл репорте...

– Дождитесь полной загрузки приложений.

Слоун припадочно захрюкал.

– Кликни его по мышке, парень, хах!

– Спасибо и заткнитесь, господин как-вас-там из как-там-где. Эммерхейс, ну! Не могу же я выйти к ним без презента-

ции, с голыми руками.

– Почему с голыми-то, а как же я?! – опешил Слоун. – Я ж тут самое чудо! Да меня весь город знает, да как я болел... А тут – сцапали короля, и сразу нате. Здоровей, чем был! Че они, не сопсо... соспо... опсос... тавят А и Бэ-то?

Бен закатил глаза и мысленно сосчитал факториал семи.

– Хорошо. Я намекну им, что есть нечто большее, чем просто везение. Самые ушлые докопаются – рано или поздно! Дойдет и до других планет, а там... Помилуйте, не могу я прямым текстом называть Ваше имя, ведь Харген меня вздернет! Его прямое и недвусмысленное распоряжение – скрыть от совета правящих домов вмешательство империи. И в целом сотрудничество с врагом.

Эммерхейс качнулся и уронил мышь. Хвостик уже мелькал в коридоре, когда андроид встал, чтобы пересечь на край стола. Планшеты Бензера хрустнули под его задницей.

– Все верно. С той лишь разницей, Бен, что меня использовали, а это я – я! – намеревался использовать Харгена. Мне надо свалить с Браны! А сделать я это могу только по приглашению главы дома. Вопрос: на черта я им сдался, если у вас тут... «просто везение». Крутись теперь, как хочешь. Вместо презентации я всю ночь пьянствовал. По мне – чем больше чуши ты там намелешь, тем больше шансов, что советники за спиной Зури начнут интересоваться мной.

– Чуши намолоть? Тогда я возьму таракана. Технологии конвисфер – легендарно-имперские, и как сказал наш бро-

дыга, «че они... не опсоставят?»

– Первый разумный план за неделю. Действительно, забирай таракана.

Модель насекомого рисковала стать пресс-бомбой, но управляться с отвратительной тушей Бен не умел. Мог разве что «перелистать» стадии болезни, но для восторга репортеров и этого было достаточно. Два зайца уже оттягивали ему карман: и долгожданное повышение, и интерес домов к имперцу – а это возможность убрать его подальше с Браны. Своеобразный третий заяц, бонусный.

– А как его...

– Просто бери и неси.

– А нельзя его уменьшить? Он же... лошадь такая.

– Зачем? Ты жаловался на толкучку в коридоре – с таким багажом тебе мигом очистят дорогу.

Бен покрутил головой в поисках лаборанта. Не обнаружив ни намека на Аспера (когда надо было смыться, тот неплохо соображал) и содрогаясь от омерзения, он ткнул пальцем в цифровое чучело и направил его к выходу. Слоун захватил кепку, забавно раскланялся перед андроидом и засеменял следом. В самом проеме таракан вдруг зашевелился. Поднял брюшко и запутался лапкой в волосах кибернетика.

– Черт! Твою мать!

Пулей отскочив от насекомого, Бюрлен-Дукк увидел биоскоп в руках Эйдена.

– Ты забыл. – робот коснулся биоскопа, и насекомое за-

шуршало бодрее.

– Дайте сюда. Пожалуйста.

– Сеть отключи.

– Не положено.

Таракан мигом упал на пол и пополз к Бену, шевеля метровыми усами. Слоун взлетел на стул ногами. Кибернетик возмутился на охрану:

– Вы чего стоите, олухи!

– Он же ненастоящий, – был ответ. – Энергии конвисферы не хватит, чтобы нанести физический вред человеку.

– Уберите его от меня!

– Мы здесь для безопасности: а – препарата и бэ – андроида. Таково дословное распоряжение капитана.

– Ладно. Ладно... – Бен отключил сеть безопасности. Таракан к тому времени успел загнать кибернетика в угол и шуршал там по его ботинкам.

– Меняю пульт на биоскоп. Только биоскоп вперед!

– Другое дело, – кивнул Эйден, завершая сделку.

После ухода всех шумных андроид занялся препаратом для Бритца. Все готовые капсулы Шима сдал безопасникам для анализов, всевозможных тестов и сертификации. На самом деле – для лечения больных первой волны: знакомых председателя из тех, кто не мог ждать официального релиза лекарства. Поэтому для двух неучтенных пациентов нужно было изготовить препарат самому, то есть заново. Эйден открыл контейнер с червями уробороса, достал несколько. Бе-

лесые тельца были вялыми, набухшими – полные личинок, они готовились к живорождению.

– Парни, как на ваш взгляд, – робот прищурился и склонил голову набок, крутя червей. – Какие из этих на подходящей стадии?

– Не компетентны. – промычали из углов.

– Ясно.

Он просто оставил двух самых жирных. Затем пришла очередь вирмалина: червя из турмалиновой шахты. Вернее, его генома. Нуклеовизор Самины построил модель его ДНК, а Эйден передал ее своим ботам. Андроид брал нано-ботов с новым геномом и предлагал их беременным самкам. Те поедали ботов с привычным аппетитом и в нужном порядке. Их личинки вскоре менялись под действием программ и становились зародышами вирмалин.

Первым делом малютки ели мать, а позже, окрепшие и голодные, отправлялись в тело больного – убивать других паразитов. Червей уробороса. Имперские нано-боты копировали сами себя, чтобы выполнять вторую часть своей программы. Они восстанавливали поврежденные ткани пациента. Как только черви-паразиты были съедены подчистую, вирмалины грустили и покидали тело человека. Или эзера, ведь в данном случае Эйден готовил препарат для капитана Бритца.

Робот еще возился с мелюзгой, когда в кабинет вошла Сиби. Охрана не отреагировала: в институте, заполненном ре-

портерами, как когда-то Слоун паразитами, пресс-секретарь не вызвала удивления. Дрожь придавала ее голосу журчание. Никогда еще страх и тревога не звучали так мелодично:

– Милорд, я понимаю, что не имею никакого морального права обращаться к Вам с надеждой на откровенный ответ, но...

Андроид остался сосредоточен на биоскопе, кончиком которого он подцеплял вирмалин, чтобы перенести в желатиновые капсулы. Сиби почувствовала себя дурно. Она собралась с силами и подошла ближе. Длинная юбка мягко шуршала, аромат чайных листьев и гвоздики тянул свой шлейф.

Он точно заметил ее присутствие, вот только не реагировал.

– Ваше Величество, мой сын...

– Вы заводите разговор, – произнес император, аккуратно запаивая готовые капсулы, – не с той стороны, леди Зури.

– Я пришла сюда не как политик, не как дипломат. А просто как... мать. Я не вычисляла, с какой стороны подойти к Вам, чтобы...

Эйден обернулся к ней с улыбкой:

– С правой, Сиби. В прямом смысле: с недавних пор слева я ничего не вижу.

– Простите. Я в настоящем отчаянии.

– Надо же, вторая Зури за месяц, и тоже в отчаянии. – хмыкнул робот и вернулся к вирмалинам.

Синтетик успел отметить, как она красива. Зная об услов-

ном родстве с Саминой, андроид невольно сравнил ее с падчерицей. Самина оказалась совершенно на нее не похожа: красота младшей леди Зури была неординарна – холодная и бледная, дикая и растрепанная. Острая. Резкая. Утонченная Сиби с ее гладкими локонами, изнеженной кожей и манерностью была неестественно хороша. Как фарфоровая кукла, что тронь – и разобьется.

– Должно быть, я давно противна Вам заочно. В последние годы, используя положение, я лепила из императора образ чудовища.

– Мои комплименты гению пера. Но признаюсь, наши сплетни о первой леди были куда циничнее. Да и порою сам герцог проявлял дюже скабрезную фантазию. У него, кстати, Ваш портрет в тире. В галюне, то есть. Так что мы квиты, Сибирити. Смелее.

Леди Зури вздохнула поглубже и перешла к делу:

– Орис пропал на границе с огневым рубежом. Между сектором Браны и нейтральной зоной.

– Я знаю.

Он знает?..

– Какова, по-Вашему, вероятность, что имперцы его...

– Сто процентов! Вурис, мерзавец, вечно палит прежде, чем спрашивает. У нас и огневой рычаг расположен ближе, чем коммуникатор.

Привыкший к здравому реализму Самины, андроид едва успел подхватить Сиби, когда та всхлипнула и покачнулась.

Она позволила усадить себя и проверить мельком пульс, после чего робот задержал ее руку в своей. При всей блестящей упаковке леди Зури давно треснула внутри. Шрамы последних лет были надежно скрыты, но в темных глазах Эйден увидел, насколько они с ней похожи: разница между их ранами состояла только в том, что робота они покрывали снаружи, а Сиби внутри. Поди разбери, что хуже.

– Я ведь только процитировал одну из Ваших статей. Ни к чему сейчас тревожиться. Может, Орису повезло. Если случилось чудо, и его захватили живьем – империя, а не ваши пираты – то после непродолжительных пыток...

Эйден и сам знал, что он за сволочь.

Сиби беззвучно рыдала, пока ее ладонь дрожала в ладони Эйдена. Словно под гипнозом, она не могла вернуть себе власть над рукой. И вдруг ошетичилась:

– Разве по имперским меркам он уже не ребенок? Что ж такого может знать восемнадцатилетний сопляк?

«О, милочка, конкретно твой сопляк знает теперь куда больше, чем следует».

Волшебным образом появилась салфетка – белая, прохладная. Коснулась щек Сиби, утерла дорожки слез. Таким же чудом она исчезла из пальцев робота. Кажется, от переживаний леди, мягко скажем, рехнулась.

– Палачи могут вытянуть даже то, о чем Орис и не догадывается. Им интересно все: привычки отца, планы его перелетов, устройство органов восприятия у первоклассных машин

класса С-КР-Т, гороскоп на неделю.

Эйден отстранился, выпуская Сиби из тисков своего влияния. И у нее в голове взорвалось: четыре «первоклассные машины класса С-КР-Т» – из ее же собственной цитаты о секьюрити! – стояли по углам комнаты и вели запись всего, что видели и слышали. Умно, Ваше Величество. Значит, все, что Вы говорите, можно смело делить на порядок. Сиби возвращалась к реальности.

– Я ничем не могу Вам помочь, – андроид поднялся, чтобы вернуться к малюткам вирмалинам. – Мой совет – просто ждите новостей.

– Это тяжело сейчас – когда их впервые делаю не я.

– Да. Но в отличие от Ваших, у этих есть шанс стать хорошими.

Сиби поднялась, расправила складки и встрепенулась.

– Да, я... забыла сказать. Может, Вы не знали, но к этому причастен...

– Ябедничаешь?

За спиной у нее возник Бритц. Он дал знак охране выйти и выразительно посмотрел на Сиби. Женщина смолчала, но осталась.

– Господин риз Эммерхейс, по распоряжению совета Вам надлежит явиться к председателю Зури. Для беседы. – милостивый взгляд на женщину. – Это связано с исчезновением его сына.

– Тогда мне нужно чуть-чуть правды. Но совершенно нет

времени...

Эйден взял капсулы и, не выпуская из рук, протащил их вдоль столешницы, приближаясь к эзеру. Тот не мог оторвать взгляд от лекарства. И упустил момент для обращения. Андроид толкнул эзера к стене и острым стержнем биоскопа пришил к карте звездного неба. Кайнорт захрипел и попытался обернуться целиком, но только усугубил дело. Стержень, прошедший сквозь мышцы шеи человека, в теле стрекозы целился прямоком в глаз. Частичное превращение тоже не помогло. Он лишь царапнул робота тремя лапами, а тот в ответ проткнул ему плечо.

– У меня есть третий биоскоп. Поэтому хвостом не шали – сам знаешь, куда угодит последняя шпилька. – пригрозил Эйден, и Бритц угомонился.

– Что тебе понадобилось от Ориса? Куда ты его послал? Что с ним теперь?

Кайнорт закашлялся кровью. Он уже потерял ее больше, чем выпил из той рабыни. Его страховка опять подорожает. И обед пошел насмарку.

– Вообще-то... – начал он и снова поперхнулся. – Вообще-то я и так собирался рассказать все по дороге. Нормально с ним все! Я посадил в его корабль с остатками карминцев... Вместо того, чтобы отправить их на Урюю...

– Вот это новости! Ты что же, подцепил мозгового паразита?

– Все правда, Эйден! Я отправил его к границе. Вынудить

твоих... захватить корабль и отослать карминцев... домой.

– И ты использовал Ориса, а не кого-то еще, чтобы... черт, хотел помочь тебе, но прости, у меня нет версий. Ты же мог вынудить кого угодно. Почему Орис?

– Чтобы если не выйдет... и попадется своим, Харген... Харген не...

– Харген не казнил бы его, пожалев сына?

– М-м...

Верить или нет? Верить? Нет? Сказки. Фантастика.

– Ладно. Верю.

Но затолкал стержни поглубже в эзера. Под его хриплые проклятия он оставил капсулы на дальнем конце стола.

– Твое лекарство. Как обещал.

– Что здесь происхо... о, продолжайте.

Эйден обернулся на голос.

– Самина. Самина... В этой сцене у меня на тебя уже нет сил. Здесь у нас не будет диалога.

Отлично.

Андроид молча вышел в холл, где его ждал конвой, чтобы доставить к Харгену. А энтоморф все гипнотизировал капсулы. Попытки выцарапать из себя иглы оказались не так чтоб слишком успешны. Он чувствовал, что раны не смертельны. Но было крайне унижительно торчать здесь, будто на энтомологической выставке.

– Так-так. – Самина взяла лекарство и посмотрела на свет сквозь нити вирмалин. – Думаешь, ему это очень нужно?

– Самина, поставь. – мягко попросила Сиби.

– Да ты что, мам? Он шантажировал Ориса! Он убивает людей! Он мучает их, он...

Мачеха забрала из ее рук капсулы и вернула на стол.

– Просто оставь их здесь. Объяснять долго.

– И не надо, я даже не собираюсь вникать! Я видела, каков он, во всей красе! Ладно. Ваше дело. Может, еще освободишь его?

– Нет. Даже если станет умолять... но он не станет.

Самина припомнила нужное слово на греческом:

– А у меня либеллофобия.

Они ушли. Экспонат без бирки остался болтаться на стене в одиночестве.

3. Глава, в которой Джуру водить

Тварь на потолке ощерилась. Орис уже знал, чем это закончится, и присмотрел себе укрытие. Его предшественник был настолько мил, что оставил после себя обглоданный скелет и ошметки мяса в углу. Гнилое нутро воняло так, что волосы шевелились, но делать нечего: шлепая по вязкой жиже, юноша на полусогнутых пробрался к скелету и юркнул между ребер. Кто бы ни был обитатель этой камеры при жизни, он оказался широк в кости. Тварь наверху зарокотала и раззявила круглую пасть. Орис не мог отвести от нее взгляд, хоть зрелище было омерзительным. Ему казалось, что зажмурься он, и тотчас гадина обнаружит его и набросится. Нет, пусть чует, что он за ней следит.

Пасть раскрылась, как у лягушки, и вот обнажились два ряда зубов, потом четыре, шесть... Тварь выворачивалась наизнанку. Ее внутренний мир был сплошь усеян зубами: тело вразнобой покрывали клыки, моляры, кариозные резцы. Человечьи, волчьи, даже рыбы. Те, что без корней, отрывались и падали, скакали по ребрам укрытия Ориса. Юноша стряхнул с куртки пару молочных и съежился. Теперь закрыть уши, вспомнил он. С прошлого раза в голове еще звенело.

Тварь вывернулась целиком, как грязный носок. Медленно, смакуя процесс. И внезапно все повернуло вспять! Чер-

ная кожа стремительно катила обратно – от хвоста к пасти, ряды зубов стучали и щелкали друг о друга. Какие-то дымилась, какие-то искрили. Громче, еще громче и... бац! Сомкнув последний ряд, тварь испустила плотный клубок огня. В камере стало нестерпимо светло и жарко, но только на минуту. Шар растаял над убежищем Ориса, а тварь еще тлела. Правда, недолго. Когда она угасла, потекли страшные минуты в темноте. Сколько – он не мог сказать точно, ведь комм у него отобрали. Может, и не слишком долго. В отблесках углей на заливке твари ему казалось, что та подбирается ближе. В тюрьме пахло тухлым от лужи с бурой жижей и от слизи, что сочились из трещин повсюду. Капли где-то громко ударяли в пол. Тварь наверху чавкала и трясла складками на брюхе.

Сколько его тут продержат? Сразу после принудительной стыковки Ориса, минуя адаптационный блок, доставили в этот карцер. Кто его привел, невозможно было различить из-за имперских скафандров: черная форма принимала вид безликой тени и окутывала тело целиком. Снаружи все были черными призраками без опознавательных знаков и даже лиц. Точно как в его детских кошмарах. Из чего состоял костюм, никто на Бране толком не знал. Но на вид это была мельчайшая темно-графитовая сетка, то ли из малоизвестного пластика, то ли из жидкого металла. Скафандр был второй кожей и абсолютно стирал различия. Как имперцы узнавали друг друга? Орис приметил: костюм реагировал на

прикосновение к офицерской пластине или камню на воротнике.

Пить хотелось еще с отлета. Во рту пересохло, как только он выскочил из вормхолла. Здесь пацан от страха проглотил язык, а как только ему присвоили статус военнопленного и зачитали права, то затолкали в карцер и испарились. Нет, еще процедили на общеимперском что-то вроде «успокойтесь» или «не стоит волноваться» – Орис был недостаточно хорош в языках.

Но какого ж бозона? Не стоит волноваться... Об этой твари наверху, об останках соседа, о жажде или мучительной смерти? Угли на холке твари еще тлели, и в их свете лужа в углу показалась не так чтобы сильно противной. На карачках Орис выполз из-под ребер и двинулся к луже. Загреб в ладони жижи и принялся: однозначно НЕТ.

Он вернулся в свое убежище и подумал, насколько же оно позорное. В целом положение героя было позорным от начала и до конца. Вонючее брюхо, склизкий пол, холод и голод. Тварь на потолке скалится... опять выворачиваться будет. Орис лег ничком в слизь и закрыл глаза. Пусть жрет. Он выдохся.

* * *

Для разговора с Харгеном андроида увезли далеко от города, в тот самый зал суда. На ту самую арену. Он даже понервничал в карфлайте, но зря. Так уж вышло, что в целой столице единственным местом, достойным официаль-

ной встречи больших шишек, оказался эшафот. Одиннадцать представителей от правящих домов молчали в своих креслах, в своих мыслях. Даже не переглядывались. Когда Эйдена подвели к председателю, тот не шелохнулся. Вниманием Зури владели экраны, где в ту минуту шла трансляция из карцера Ориса. Изображение зубастой твари над юношей расплзлось на всю стену зала. Харген опустил плечи и казался меньше, чем всегда.

– Что ты хочешь за то, чтобы приказать им улучшить условия для моего сына в плену?

Оказывается, председатель умел вести дела цивилизованно. Синтетик безучастно наблюдал трансляцию, где юноша ползал у грязной лужи.

– Опusti меня на Роркс.

– Зачем?

– У них эпидемия в сети, как раз по моей части.

Роркс, значит. Так близко к наводчику – паранойя, замысел или совпадение? И цифровые диски явно сочувствуют искусственному интеллекту этого дьявола. Харген вздохнул.

– Послушай... Я могу устроить обмен пленными. Ты вернешься к своим, а я получу сына назад.

– Не хочу возвращаться на работу.

– Что?!

– Отпусти меня на Роркс, и сопляку выдадут пуф, какао, плед и даже кошку. Это все.

– Нет!

Андроид встал нос к носу с врагом, и охрана взвела крименганы.

– Еще я прикажу своим отступить. Но Орис останется там, а я – в Альянсе.

– И война закончится?

– Вытащи мой чип обрыва кротовин и организуй переговоры с герцогом.

– Вытащу после. Если договоримся.

Ко связи с вражеским флагманом Харген был готов с самого утра. Имперские голограммы не могли пробиться из космоса в гиперпространственный карман, и обе стороны удовлетворились экраном. Джур был не один. В экстренных случаях ему на хвост садились адмиралы и парламентарии. Герцог был напряжен из-за соглядатаев за спиной, из-за первого разговора с Эйденем за сто прошедших лет.

А теперь из-за его отказа вернуться на Ибрион.

– Мы создадим Орису условия, зеркальные тем, которыми обеспечат Его Величество на Бране. – процедил риз Авир.

– И мы должны отступить.

– Что? – брови герцога взлетели вверх. – Что, Эйден?..

– Отступить по всем секторам. Мы приостановим конфликт между империей и альянсом.

Глаза Вуриса позади друга округлились, как блюдца. Риз Авир дернулся, будто хотел оглянуться на геронтов совета миров, но передумал. Чужие пусть видят его замешательство. Свои – никогда. Он заговорил неторопливо.

– Ты знаешь основной закон, Эйден. Только император лично – лично! – вправе начать войну и объявить перемирие. Тебя здесь нет. Я же – увы, не вправе отдавать такие приказы.

– Есть еще закон. О королевских наследниках первой очереди. В присутствии геронтов совета миров и канцлера имперского парламента я отрекаюсь от власти. Если дело лишь за правом подписи, Джур, – тебе водить.

Риз Авир дрогнул одними ресницами. Да, он изменился и вырос за сто лет. Но и теперь вряд ли понимал, что вообще здесь происходит. В альянсе. В этом зале. В голове у синтетика. Он знал: сейчас любое решение станет кардинальным, но необдуманым. Для размышлений нужно было время, но пока он молчал, с каждой секундой таяло его положение силы. И для работы в одной связке нужен был настоящий разговор, а не лицемерная игра. Герцог разжал зубы и вздернул голову:

– Я принимаю корону. Мне нужен час, чтобы отдать распоряжения флоту.

Новый император сам отключил связь и пропал с экранов. Эйден выдохнул, но так и не обернулся к Харгену. Чего он там не видел – злорадной ухмылки? Еще одной фальшивой бравады? А Джур-то без него становится все лучше. Хорошо. Плевать на все, кроме конечной цели. Через пятьдесят девять минут империя проиграет войну, но выиграет бесценное: время.

* * *

Зубы клацнули, но огненный удар так и не последовал. Пленник уступил любопытству и открыл глаза. Не то чтобы он сильно волновался, не сдохла ли тварь, подавившись молочным зубом, просто затихшие монстры имеют малоприятное свойство возникать позади тебя. И обязательно капать слюной на плечо.

Оказалось, гадина сверху пропала. Теперь свет шел от чьих-то ярких глаз в дырке на потолке, но у зубастой твари глаз не было, а значит, сюда пробрался кто-то другой. Пока некто светил и не показывался, Орис решил не обращать на него внимания. Осмотревшись, юноша обнаружил, что слизь на бетонном полу высохла. Та, что сочилась из стен, желтела и сыпалась на глазах. Орис сухо глотнул, вылез из укрытия и уставился на него растерянно. Это были не ребра. И никогда ими не были, так что ли, выходит? Вместо скелета на полу стояли кривые нары из горбыля. Он поковырял желтушную краску на стене. Лужа просочилась сквозь трещины в полу, и как только воды не осталось – даже самой грязной – пить захотелось еще сильнее.

Ладно. Твари нет, радуйся. Орис забрался на нары, чтобы не сидеть на полу. Только он затих, из дыры на потолке забрезжили лучики света. Оттуда выбрались пауки размером с яблоко и расползлись по стенам. Вместо брюшка у них были человечесьи глаза. Чем надышался здесь бедняга Орис, что мерещилась ему такая дрянь? Светились не глазные яблоки, нет. Фонарики были на паучьих пятках, на каждой лапке, и

когда они топали, по стенам и потолку мелькали крошечные лучи. Лазерное шоу... Орис когда-то просился у отца на танцы, но его тогда не пустили к плебейам. Что ж, теперь вечеринку ему устроили настоящие патриции. Харген бы с ума сошел. Впрочем, он ведь и так сойдет – как только имперцы используют сына против отца.

От стены рядом откололся кусок. Осталась дыра, не слишком большая, чтобы сбежать, но и не слишком маленькая. Внутри было темно: может, еще одна камера, а может, чья-то могила. Самина тотчас сунула бы туда руку, но Орис дерганно отодвинулся и не спускал с дырки глаз. Любопытные пауки направили софиты на дыру, из которой выпала... миска. Орис вытянул шею. Прозрачная клейкая масса дрожала на дне. Ну, здорово: один в один его школьный завтрак. Наверное, это даже можно есть, раз оно в миске. Опередив паука на какие-то пару секунд, юноша сцапал миску и ткнул в нее пальцем. К нему прилипла вязкая жижа. Совершенно без запаха. Орис лизнул ее, потом содрал зубами с пальца, пожевал и заставил себя проглотить. Вкуса она тоже не имела. Кажется, это одновременно была и еда, и вода. Удовольствия от такой трапезы было не больше, чем от пищевых капсул для бедняков на Бране. Те пили биокисель, но и тот имел какое-то подобие вкуса. А тут – вязкий воздух. Интересно, это обычная еда в империи, а может, только военнопленных так балуют?

Пока Орис ел, пауки то светили, то гасли. Раздражали. Он

перестал их отпугивать и подпустил к себе одного. Страхнул ему с пальца каплю жижи, а пока тот кормился, вылил остатки клейстера прямо на него. Паук затормошил ногами, приклеенный к стене киселем. Но жижка была беспощадна, и паук увяз. Софиты на пятках замерли: тогда паук сдался и принялся есть жижу изнутри. Из киселя вышла довольно сильная линза, и Орис приобрел себе не самый бездарный ночник. Другие пауки сбежали через разлом в потолке.

– Перестаньте калечить люцерверов!

Орис и не подозревал, что умеет подпрыгивать на одних ягодицах. Перед ним стояла ибрионка – строжайший пучок на затылке, черное платье без излишеств, пуританские ботильоны. Орис вскочил с нар.

– Вы кто такая? Вы как здесь...

Ибрионка поджала губы и наполовину ушла в стену. Так, ясно: голограмма.

– Я – Ри, управляющая флагманом. Система поддержки и контроля. Нет, я не голограмма, я конвисфера и при желании могу дать Вам пинка за порчу светильников.

– Хороши светильники... – юноша покраснел. – Сами измываетесь, а потом дерзите!

Ри бесстрастно моргнула.

– Почему было просто не послушать совета, который Вам дали при заселении?

– Ну да, да! Успокоиться, ха-ха. Настроиться на... как там... конструктивный разговор. Это здесь-то? Да я чуть не

умер!

– Не нагнетайте. Вам же нравится погружение в мир страданий и болезненных фантазий. Еда без вкуса, цвета и запаха действительно помогает сосредоточиться. Но зачем же портить реквизит? Насколько я знаю, Вы сюда напросились сами, вот и держите себя в руках.

– Как мне может нравиться погружение в мир болезненных фантазий? Что Вы такое говорите?

– Тут бардак уже третий час. Было б еще на что глянуть. Страхи у Вас, прямо скажем, инфантильные.

Ориса, конечно, и раньше техника подводила, а какая и вовсе недолюбливала, но чтоб так беспардонно язвить – такое случилось впервые. Сам Эммерхейс и рядом не стоял с этой управляющей. Юноша развел руками и просто вернулся на ржавые нары.

– Мой Вам совет – прекращайте. – скрипела Ри. – Или хотите беседовать с герцогом на этой помойке?

– Ладно. Я не понял, чего, но прекращу. Если я пообещаю вести себя хорошо, Вы переведете меня в камеру получше?

– Здесь Вам не тюремный спутник, на флагмане только один пси-блок. Работайте с тем, что есть. Герцог будет рад бризу и конфи из нежирной дичи, Его Высочество давно не был дома. Всего доб...

– Простите, из нежирной дичи здесь только я!

Юноша уже давно не плакал на людях, но сейчас очень хотелось.

– Со скелетом же получилось. И с люцерверами. Не знаю, ну, подумайте наконец о чем-то приятном! Стены будут обваливаться до тех пор, пока Вы не перестанете себя жалеть. И ужин останется клейстером, пока скулите здесь на голых досках.

– То есть... вот это все здесь – иллюзии?

– Для убогих цивилизаций сойдет и такое определение. Пси-блок сконструирован по принципу медитативных тюрем империи, где Вы попадаете в ту среду, которая отражает душевное состояние. Ваша агрессия обернулась вонючей жижей и липкой слизью, а страх – мертвой тушей и пугалом, в которое Вы превратили люцервера.

– Я, значит, превратил?!

– Безусловно. Когда иссякли страх и ненависть – стало легче, не находите? И еда нашлась.

– Это.не.еда.

– Ее лишают вкуса депрессия и чувство вины. У настоящих преступников эта стадия длится годами, иногда не проходит до самой смерти. И не только у преступников. Самобичевание – любимое хобби людей.

Орис задумался.

– Но я ведь предатель, в каком-то смысле.

– В самом прямом!

– Ну, спасибо! Что-то Вы мне не слишком помогаете с... конфи.

– Предатель злодея – герой, юноша. – ибрионка замерца-

ла, получая сигнал извне. — Так-так, у меня совсем нет времени. Герцог вернется через час, а у Вас тут уныние на самом виду. Какой позор! Умейте выдерживать невзгоды с достоинством. У изысканного блюда здесь один ингредиент — Ваши мысли. Чем они лучше, тем вкуснее жизнь. Всего хорошего.

4. Глава, в которой робот ищет работу

Скоро коврик на полу был уже почти сносный. Место заняла аккуратная софа. Орис мнил себя волшебником, но эти чудеса почти ничего ему не стоили: всего-то нахлестал себя по щекам, попрыгал на месте и двести раз присел. Он помнил, что упражнения дают гормон счастья, и через полчаса в комнате появились окно и стол. Стены перестали сыпаться. Все было наполовину имперским, наполовину – как дома: претензия на гостеприимство. «Как поднять себе настроение, если вы в плену» – такую методичку он напишет. Еще пара лет войны, и это будет бестселлер. Юноша огляделся в поисках несовершенств. Увидел всего одно: люцервер так и остался пауком, прилипшим к стене. Может, он просто сломался? Глаза б не глядели в тот угол.

В нише у окна тихонько звякнуло. Ужин. Салфетки на опрятном подносе аккуратно сложены, рядом дымится пиала с чем-то вроде крем-супа. Ярко-синий напиток в ибрионском хрустале.

У еды был сложный вкус. Непривычный. Орис умял половину, когда услышал деликатное: «тук-тук». Над юношей стоял кто-то в имперском скафандре. Безликий черный призрак. Правильно, ведь камера была адаптирована под орга-

низм бранианца. Понимание этого не делало облик гостя дружелюбнее, и краешек софы под Орисом предательски оплыл и покрылся ржавчиной. Страх. Опять он.

– Монохромный интерьер неплох, – похвалил имперец под маской, – Но он выдает фальшивое спокойствие. Шепчет, что обитатель просто взял себя в руки, принудил к смирению из последних сил.

Почему эта броня не могла быть прозрачной? Кто это?

– Джур риз Авир. – представился гость и подошел ближе. Ржавчина расплзалась по софе бесконтрольно. Воздух снова отсырел.

– Я Орис Зури.

– Вижу, со светильником Вы так и не сладили. Люцерверы здесь самые капризные. Да, Орис, теперь я новый император, но это еще не все новости.

– А что с Эйденем?

Наверное, имелись какие-то нормы этикета, согласно которым запрещалось вот так набрасываться на Его Величество. Но в самом деле, вот это поворот!

– Все нормально. Я несколько удивлен, что Вы им так обеспокоены. Эммерхейс отрекся в мою пользу, и я отдаю приказ отступить.

– Отступить?!

– По всем секторам. Мы сочли убыточным продолжение этой войны за пределами империи. Все это лишь провоцирует удары магнетаров по мирному населению.

— Я думал, вы просто обменяетесь пленными. Эйден вернется сюда, а я домой.

Джур покачал головой:

— Не так скоро. Харген получил выгодное предложение от андроида и обменял Вас на победу. Увы, она стоит дороже кого бы то ни было... одного. И пока все не утрясется, Вы здесь будете залогом безопасности синтетика.

— Долго?

— Не знаю. Эйден тянет время. Я вот что хочу обсудить: ему что-то нужно от Вашего отца. Орис, я знаю, вы с андроидом были заодно на Бране. Наверняка кое о чем говорили. Кое-что видели. Почему он настоял на отступлении?

Юноша был в искреннем замешательстве. Он не совсем понимал, на чьей стороне этот деликатный имперец с его осторожными жестами, мягкими усталыми интонациями. Совершенно не похожий на Эммерхейса. Живой, располагающий к себе, несмотря на броню. Говорят, они с Эйденем зачатые друзья, но так ли? И уж совершенно не понятно, на чьей стороне Орис сам теперь.

— Так это он хотел? Я думал... это была Ваша идея!

— Никогда. У такого решения должна быть причина более веская, чем потенциальная угроза для чужих мирных. Эммерхейс не первую сотню лет ведет войны, и с гораздо большими жертвами. О чем он не мог, не хотел сказать при Харгене?

— Он... я не понимаю, я не знаю точно! Он хочет... Он

НЕ хочет уничтожать Брану. Он обещал, что сделает все возможное... Ваше Величество, я не знаю! Он работал с моей сестрой. Если кто-то что-то и понимает, так это она. Простите.

– Тупик. – отмахнулся император. – Эйден не станет обсуждать серьезные вещи с женщиной. Уничтожение Браны, ты сказал? В каком смысле?

– Планету можно выбросить в космос! Но он сказал... что хочет дать Бране шанс.

– Ладно, Орис, что ж. Я так или иначе разберусь.

– Вы ведь уже не передумаете? Отступить.

Джур пожал плечами.

– В общем-то андроид прав. Войну в Кармине мы выиграли, а все, что происходит сейчас – просто месть за одного ибрионца. Это теперь право Эйдена: самому бороться за свою жизнь. Я отступлю. А там посмотрим. Может быть, позже, когда мы подпишем все необходимые пакты, я снова предложу обмен и верну Вас отцу.

– А где те карминцы, с моего корабля?

– Уже отправились на родину, в галактику Миу. Прощайте, Орис, мне пора.

Юноша кивнул и растерянно оглядел стол. Что-то там было не так. Напиток в бокале, которого коснулся риз Авир, стал черным.

– Вы не согласны с решением робота. – прошептал Орис вслед имперцу. – Вы не согласны!

Грубо вышло. Джур обернулся и наверняка увидел тот бокал.

– Проницательный мальчишка... С Вами опасно иметь дело, господин Зури-младший. – прошипел император, и в камере ударил мороз. – С Вами, но не со мной. Вы привыкли к предательствам близких там, на Бране? Мы здесь ведем политику, а не плетем козни. Да, мне миллион раз не по душе попирать гордыню! Но если отвлечься, андроид настаивает на разумном: перестать убивать. Возможно, если бы я чуть глубже понимал его мотивы, не испортил бы Ваш напиток. Несвежий чай – только его Вам стоит бояться здесь.

– Я просто хотел сказать, что верю Эйдену. Чего бы он ни замыслил, он хочет, как лучше.

– Вы себя хоть слышите, Орис, сын Харгена? – в раздражении Джур хлопнул по столу, и пиала звякнула о бокал. – Рвете тут на себе рубаху за врага. И Эйден там – тоже. А я должен верить!

Орис боялся, что вот-вот задрожит губа. Он закусил ее до крови, но ничего не почувствовал.

– Я себя слышу. А Вы меня?

– До встречи, господин Зури.

Орис сел один за остывший суп. Рано или поздно, живым или мертвым, его вернут домой. Война закончится. Больше никто не умрет. Он сосредоточился на мысли о спасенных карминцах: единственной бесспорно хорошей новости. Если все, как говорил Бритц, то к Урыюи отправился пустой ко-

рабль на автопилоте. Он запрограммирован сбиться с курса при посадке и утонуть на такой глубине, где его не достанут эзеры. План был идеален, а Кайнорт – красавчик.

Парень глянул на стену и не поверил глазам. В углу, где налип паук, жижa превратилась в кокон. Из него показались лапки. Они светились целиком, будто сотканные из лучиков. Следом выбралась голова с блестящими гирляндами антенн и язычком, закрученным в спираль. Бабочка. Огромная бабочка! Насекомое растормошило кокон и сидело на стене, расправляя огненные крылья. В комнату лился теплый свет. Юноша забрался на софу, а бабочка зашевелилась и – взлетела к потолку.

Вот так люцервер! Ничего прекрасней он в жизни не видел. Даже Ри осталась бы им довольна. В бокале заиграли мелкие пузырьки, и Орис глотнул золотистого тоника в надежде, что превратил воду в шампанское. Но нет. По имперским меркам ему еще было рановато.

* * *

Будь проклятуше проклят проклятый Эйден.

Даже лучше, что они не могут вернуть его прямо сейчас! Джур выбил бы из него всю дурь за эти выходки. Ведь так изуродован, что ясно: не великодушием Харгена он там жив еще. Дракой, смертным боем. Что же он творит? Может расправиться с Браной, но идет окружным путем – понятно, что имел в виду мальчишка. Однадохлая планета против целой Империи. Ради чего? Допустим, он хочет разорвать магне-

тарную цепь изнутри, но ведь это будет проще, уничтожь он Брану. Пока остальные дома воюют за власть над магнетарами, имперский флот разнесет всю цепь. А Эйден какую-то ерунду там заварил. Задержись риз Авир в пси-блоке чуть дольше, не только чай почернел бы. Все стены бы обуглились, а светила бы им геенна огненная.

– Джур, плохие новости! – Проци догнал его на пути к переговорной. – Даже не знаю, с чего начать.

– Тогда начни с хорошей, Ву.

– Орден Контроверзы, помнишь такой?

– Мелкие бесы из тех, кто вечно против.

– После отречения Эйдена они объединили всю фронду. Сформирован блок, минимальный, но достаточный для наложения вето на твои решения.

Джура словно кипятком облили. За десять минут до выхода на связь с Альянсом в верхах Империи грянул раскол.

– Они отказываются отступить! Так?

– Да. Вот их декларация, – адмирал развернул бланк вето перед императором. – Решение об отступлении, прямо скажу, не стало бы популярным. Они сочли так: если ты сделаешь, как сказал Эйден, то признаешь свою власть формальной и выставишь Ибрион слабым перед целой Империей. И не только.

Проци еще что-то объяснял, а Джур уже набирал Орден Контроверзы. Минуту геронты слушали его проклятия на трех официальных языках парламента, но так и не прогну-

лись.

– Вы не можете не понимать, – гремел император, – что если Эйден остался в Альянсе, на то есть причины! Он знает, как разорвать магнетарную цепь изнутри. Но его действия могут спровоцировать Харгена на зверство! Ему просто нужно время, чтобы избежать лишних жертв!

– Ваше велич...

– Хорошо, послушайте: ведь мы отступали сотни раз и только выигрывали от этого. Почему теперь, квазар вас раздери, просто не выполнить приказ?

Это были кситы в основном, и от них он ожидал сопротивления. Но сегодня бледного червя поддержала колония Фарадум. Немыслимо. Зря, ой, зря их избавили когда-то от сколопендр.

– Ваше Величество, мы здесь считаем, что на риз Эммерхейса оказали давление со стороны Альянса.

– Что?!

– Ваша вера в синтетика достойна восхищения, но по здравому рассуждению мы не можем быть уверены, что это решение его, а не Харгена.

– Да вы в своем уме? Как, вы думаете, его прогнули? Он машина! Он скорее тысячу раз умрет.

– Вот мы и не хотим, чтобы он умер. И не хотим, чтобы новый император был только призраком, тенью прежнего. Война продолжится, Ваше Величество.

Риз Авир, бывало, вспоминал, как запросто отдал корону

Эйдену. Сомневался, а не зря ли открестился от лавров монарха. Нынче час, всего час прошел с момента, когда вот — он стал императором, но не проходило и минуты, чтобы он об этом не пожалел. И Джур снова зря выдавал эмоции, зря растрачивал крик. Вот как справлялся Эйден: круглые сутки был непробиваемой задницей, куда гаже парламентариев. В итоге Джур проиграл не потому, что был слаб, а потому что был лучше их всех. Такой вот парадокс власти.

— Просто все вы слишком долго живете слишком хорошо. Нет у вас родственников в приграничье, да?

— Магнетары не угрожают нашим границам. Чтобы выстрелить по ним, Зури придется собрать энергию со всего Альянса. Вы же видели: его отпрыск для него столько не стоит. Нет повода для паники. Она здесь выглядит не как предусмотрительность, а как фантазия бесхребетного короля.

Оставалась минута до выхода на связь с Альянсом. Джур повторил про себя формулу: чтобы влиять, надо быть хуже.

— Довольно. Если я прав, хочу, чтобы вы поплатились. Я прекращаю аккредитацию всех штаб-квартир совета миров и отзываю их разрешения на аренду в столицах. Отныне парламент заседает на границе с Альянсом. Катитесь к блазарам.

Он прошел в переговорную прямо сквозь конвисферу с геронтами. Фигуры посторонились, а после рассеялись у него за спиной.

* * *

Эйден и Харген ждали решения в какой-то почти расслаб-

ленной тишине. Не тратили сил друг на друга. Зури опасался громким звуком, резким жестом спугнуть удачу, а синтетик замер, как умели исключительно машины. Неподвижный и отстраненный. Как пятьсот двенадцать лет назад, в кабинете Гервина Эммерхейса. Тогда его спасло редкое чудо: великодушные герцога, еще не сломленное годами их дружбы. Размолвка, как видно, пошла Джуру на пользу. Он научился ходить по головам:

– Я счел недопустимым отзыв войск. – объявил риз Авир. – Империя не отступит. Орис Зури останется у нас в качестве залога безопасности Эйдена Эммерхейса.

Синтетик даже не моргнул.

– Ясно, Ваше Величество.

– Мое решение поддержала крупнейшая фракция совета миров – Орден Контроверзы.

Снова ни тучки на лице синтетика. Да как он это делал? Можно ли этому научиться, как-то натренировать? Джур мог поклясться жизнью всех своих внебрачных детей, что прямо сейчас внутри андроида разбегаются крупные трещины. И вот-вот проступят наружу. Но хорошо, что не поклялся, потому что Эйден за сто лет без друга охладел до абсолютного нуля. Да?

– Что ж. – он смиренно опустил ресницы и повел плечом. – Авторитет и опыт вышеназванных геронтов не вызывают сомнений. Мне остается только подчиниться воле новой династии.

Экраны погасли. Какое-то время по залу носился ветерок из тревожного шепота, шелеста официальных платьев и шороха бумаг. Арена растерянно зябла, пока Эйден не обернулся к председателю.

– Чему ты ухмыляешься, Харген? Его отказ – приговор для Альянса.

– Это как посмотреть. Я еще не победил, а вот ты уже проиграл. Своим же! – Зури рассмеялся низко, гулко.

– Ну-ка, перечисли, чего я проиграл. Благодаря вирмалину я обеспечил себе протекцию в Альянсе, а теперь стряхнул ответственность перед империей. Я вне политики. Я свободен. Отныне если кому-то угодно будет умереть за безработного синтетика – или распылить за него пару твоих миров – для меня это будет лишь бегущей строкой новостей внизу экрана.

– Как же красиво ты объявил себя неудачником, андроид! Все, что произошло, не входило в твои планы. Как бы ты сейчас ни бравировал.

– Да, я вроде как уволен. Попрошу у твоих советников новую работу. С возможностью заниматься тем, что у меня выходит лучше, чем плести интриги. Как вам только что продемонстрировали, за жизнь и здоровье я борюсь куда успешнее, чем за власть.

Прозрачная дама с Алливеи возбужденно привстала с кресла, но ее опередил глава дома Роркс. Диск засверкал, посылая текст на комм председателя.

– Я не разрешаю забирать пленника на Роркс! – отрезал тот. – Это слишком близко к границе конфликта, а у вашего Дома нет магнетарной стены.

– Но и мариновать андроида исключительно на Бране мы не позволим. – вмешалась алливейка. – С потерей короны он стал нашим общим пленником! Любой Дом теперь вправе забрать его на время. Он слишком ценный ресурс, Харген. А наша ситуация уже не терпит...

– Условия нашего договора не выполнены! Чип в обмен на отступление – так ведь было? Так? Империя не отступила, и я не позволю ему шлаться по Альянсу!

Диск Роркс опять затрепетал, загорелся. Харген рассеянно кивал, снова готовый возразить, едва посол закончит. И тут на браслеты Эйдена начали приходить сигналы. Умница диск хитрил, параллельно ведя две беседы.

«Мы продадим Зури, но даже если нет – готовьтесь к отлету через три часа. Чип взломать нетрудно, мы отключим его перед стартом. Харген не сможет вмешаться в расписание вормхолла так скоро, но для Вас это будет единственный шанс улететь с нами. Увы, если не сейчас, то потом он пустит нас на Брану только через Ваш труп».

Вслух посол Роркс стрекотал что-то отвлеченное. Алливейка смиренно поникла, но Эйден успокоил себя тем, что помощь империи дойдет и до их планеты рано или поздно. А сейчас полезнее выбрать тех, кто сократит, а не растратит его время.

5. Глава-назидание о вреде мелких краж, или как погубить змея его же оружием

Самым поразительным свойством Ри было даже не умение ходить сквозь преграды. И не едкая желчь. А та внезапность в нападении на беззащитных, которую она использовала в надежде, видимо, сократить им жизнь.

– Господин Зури, поднимайтесь! – грянул приговор, и у юноши дыхание сперло. – Новая военно-политическая обстановка требует освободить пси-блок. Вы пойдете со мной.

Не дожидаясь ответа, Ри промаршировала к двери и распахнула ее перед Орисом.

– А... меня вообще никогда домой не вернут? Или вернут позже? Куда мы сейчас?

– В коридор.

– А потом?

– На процедуру.

Ри вывела его из камеры, мгновенно скатившейся в тот бедлам, от которого парень избавлялся много часов. Орис догонял проводницу вприпрыжку, мотаясь по узким кулуарам звездолета.

– А можно мне лучше опять поговорить с риз Авиром?

– Сию минуту. Его Величеству есть дело до каждого плен-

ного, какому только вздумается почесать язык.

– Да я понимаю, но...

– Может быть, у Вас нашлось вдруг, что ответить на его вопрос о планах синтетика на Бране?

– Нет, но...

– Тогда за мной.

– А Вас не Эйден программировал?

– Он. Знаю, это бросается в глаза, я ведь почти так же умна.

– Вроде того.

Ему захотелось обратно в камеру. Что за процедура? Этот вопрос он тысячу раз задал мысленно, но так и ни разу – вслух.

– Война продолжится, да? – спросил он вместо этого. – Меня вернут в ту камеру после... процедуры?

– Нет. Вас это убьет. Вы попадете в лучший мир.

Ри остановилось у клинкета, из-за которого появились безликие тени. Ростом чуть не до потолка, широкие, как весь коридор. Орис попятился:

– Меня что, казнят? За что! Или заморозят? Можно меня просто заморозят, а не казнят?

Два черных скафандра настойчиво подтолкнули Ориса в кабинет, к металлической дыбе. Ноги стали ватными. Ри легким толчком уложила его затылком на подголовник.

– Не стоит нас демонизировать, – процедила она, активируя закрепы на лбу и запястьях. Кажется, парень был готов

наделать лужу. – Вас убьет не процедура, а возвращение в камеру. Потому что здесь Вас адаптируют к условиям Ибриона, чтобы перевести в жилые отсеки флагмана. Под личную ответственность адмирала Проци. Хватит вести себя, как кот, что воеет в сумке на пути к ветеринару.

– Не самая удачная аналогия, леди! – фыркнул Орис. – Котов чаще несут туда кастрировать.

– Это и любые другие пожелания Вы можете выразить нашим специалистам. Начинайте.

Ри исчезла из поля зрения, и над Орисом склонился андроид-медик:

– Экспресс-диагностика выявила близорукость и плоско-стопие. Не против, если мы исправим все в ходе процедуры?

У андроида были такие же глаза, как у Эммерхейса. Многоугольники ретро-диафрагм, только серые.

– Только не отрезайте мне там ничего, окей? – агрессивнее, чем рассчитывал, предупредил юноша.

Медик кивнул и деловито вычеркнул что-то из списка. Неужели Ри в самом деле... Черная дыра ее дери!

– Окей. Стрижку отменяем.

Фух. Нестерпимо потянуло зевнуть, но не успел Орис открыть рот, как отключился.

* * *

У безработного синтетика оказалось не так много вещей для сборов, и Эйден бесцельно слонялся по лаборатории. Рабочий день здесь давно закончился, из темных холлов ис-

чезли репортеры, рассосались праздные зеваки. В шкафчике для личных вещей Эйдена ждал подарок. Он и забыл! Самина обещала вернуть ему форму, заручившись талантами Шиманая доставать хоть звезды с неба, и вот – аккуратная черная стопка лежала на верхней полке, на уровне глаз андроида. Прежде чем приблизиться, он пощелкал языком, а после направил к полке биоскоп и провел анализ. Мало ли. Нет, все было чисто. Он вроде должен был радоваться. Но не мог притронуться к ткани, источавшей едва различимую теплую ваниль. *Ее* запах или галлюцинацию *ее* запаха.

Из-за вето придется действовать быстрее, чем он думал. Судя по намеку на малоизвестный орден (контро-как-его? кто это вообще?), Джур и сам не ожидал такого поворота. Но и это не самое плохое. Хуже то, что узнай совет миров причину для отступления, целиком присоединился бы к левой фракции. Можешь убить одну планету ради нескольких? Так чего ж ты ждешь, твою мать?! Наверное, только взглянув на себя со стороны парламента, Эйден понял, что отречение и не могло ни на что повлиять. Вот оно то, о чем он сам говорил Харгену: император вышел вон, а в империи ничего не менялось.

Что ж, зато теперь дом Браны не имел на него исключительных прав. И корона больше не царапала виски. Самый долгий шаг к цели был сделан. Предстоял самый трудный. Эйден прокрутил все вероятные и невероятные сценарии, где Харген мог помешать вылету на Роркс, но осадил себя.

Все будет нормально. Он сцапал форму с полки и отправился в душ. В вормхолле его ждали через час. Все распоряжения насчет Самины, ее безопасности и слежки уже были у Кайнорта. Оставалось лишь надеяться, что эзер не слишком обидчив и не принял те стержни близко к сердцу. В самом деле, ведь Эйден проткнул его в местах, совершенно от сердца далеких.

Чтобы не превратить этот последний час в нервозную пытку, следовало проделать самую привычную цепь ритуалов. Освежающий душ, лучшая на свете одежда, краденое зеленое яб...

* * *

...локо. Между белым глянцем лаборатории и тусклой мути тумана будто не прошло и секунды. Внутренний хронометр вопил о целых часах без сознания, но Эйден ощущал их, как один миг.

Только что морозно было внутри, а теперь и снаружи.

– ...не буду лукавить, выбор у меня был, но...

Снежные пики лизало восходящее солнце, по-утреннему бледное. Сквозь заиндевелые ресницы – даже голубое.

– ...не найдут тебя здесь, но и не получают извещения о смерти. Сигнал от твоего чипа пропал рядом с вормхоллом – для всех ты улетел с планеты, как и было условлено.

Он пропустил свой вылет на Роркс. Надо сосредоточиться, Эйден, давай! Отдельные слова начали складываться в предложения. Уже лучше. Что она там несет?

– Я не могу здесь оставаться, пойми. Сидеть под стражей Бритца и ждать от тебя приговора – выше моих сил. Невозможно. Нет, Эйден.

Очень холодно и очень больно. Не в смысле обидно – разве что за свой идиотизм – а по-настоящему. Он скосил глаза на снег, на серебряные шарики рядом, на решетчатую плазму клетки. И дальше, дальше по склону. Крайне романтическое коварство у этой женщины. Горы вокруг – его новая тюрьма – были изумительны. А на Самине был изумительный зимний комбинезон с меховой оторочкой.

– Не пытайся шевелиться, сквозь твои позвонки на шею проходит игла нервизолера. С первого по седьмой. Это полная блокада движений. Восьмым щелчком – прямо в мозг – убивают андроидов после неудачных испытаний. На моем счету десятки. Я еле удержалась, чуть не щелкнула восемь по привычке. Ладно, мне пора. От холода ты не пострадаешь, от диких зверей защитит плазмосье.

Ее комм подал сигнал прибытия карфлайта, и Самина нетерпеливо вглядывалась в туман под горой.

– Какая заботливая дура. – ядовито изрек робот и подтянул непослушную руку к загривку, где торчал нервизолер. Когда Самина обернулась, синтетик уже поднимался в клетке. Неровно и дергано, как упырь из могилы. Или нет. В своей черной форме, в этом рваном тумане, он был словно чудище из-под кровати в самом жутком сне.

– Восемь. Шейных позвонков. У Ибрионцев. – прошипел

он, уже на ногах.

Девушка хотела бежать, но обронила комм, а без него карфлайт не взлетал. Да как же так-то? Надо было двигать иглу до восьмого щелчка. Но она думала, что так убьет... а, и надо было убивать!

– Это мало что меняет, ведь ты останешься в клетке, – бормотала она, шаря в снегу. Комм все пищал где-то совсем рядом, в голубой дымке рядом с плазмосетью, но не поддавался. Эйден не отбросил иглу. Он перехватил ее в руке на манер заточки.

– Исполни последнюю волю узника – беги, пока я не выбрался.

– Не выберешься. Эта решетка снимет с тебя кожу!

– Да? – он схватился рукой за горячие прутья, и пальцы зашипели, обнажая металл под кожей. Эйден, кажется, не замечал этого. – Прекрасно. Тогда я перестану чувствовать боль!

Он рванулся к ней сквозь клетку. Ладонь робота – совсем без кожи, но с длинной иглой – царапнула воздух у виска Самины. Жух! Девушка упала прямо на свой комм.

Через минуту ее карфлайт нырнул в туман, а синтетик все терзал сеть. Но кожа на нем рвалась и плавилась быстрее, чем прутья из плазмы. Он с трудом отодрал пальцы от сетки и свалился на снег. Запретельно больно. Что он имел? Дымящийся рукав и горелые ошметки кожи и мяса – против непригодной для побега дыры размером со средний та-

кой арбуз. Связь внутри клетки не ловила, но робот мог высунуть наружу здоровую руку и послать координаты с нейробраслетов – только кому? Кому еще он может сторговать остатки потертой шкуры? Он набрал код Шиманая, но уже на звонке отменил вызов, сам не зная, почему. Дерьмо. Всюду просчитался: и с побегом, и с короной, и с девчонкой. На его стороне были все, а теперь – никого. Эгоист и мизантроп, при этом он редко жаловался, если кто-то вытаскивал его из передряг.

Утро набирало силу. Из сизого тумана выросла скала, близко совсем – миль тридцать. Или как здесь считают, в километрах? Впрочем, в милях она, кажется, ближе. Красная – то ли от восходящего солнца, то ли от гранитовых жил на вершине. На скале громоздились купола из неопластика с титановыми шлюзами. Они облепили пик, как шампиньоны. Вормхолл. И сейчас он готовился выпустить рейсовый корабль. Чпок! Грузовой или пассажирский бриг исчез, едва показавшись из шлюза. Кротовины были не видны невооруженным глазом. Оставляли только разряд молнии в ионизированном воздухе.

В клетку дохнуло морозом, и с вершины горы прямо ему в спину настойчиво покатился туман. За ним вслед посыпались колючие хлопья снега. Клетка зашипела и дрогнула. Эйден понял, что время на размышления подошло к концу, и выбрал адресата. Пожалуй, лучшего из худших! Кто-то перед казнью звонит адвокату, а кто-то – палачу. Вам смешно,

а добывается своего чаще второй.

На том конце хохотали в голос.

– Да с чего бы мне тебя вытаскивать?

– Честно, не знаю... – синтетик оглянулся на метель и вернулся на связь. – Я бы тебя не стал, конечно. Но ты же не какой-нибудь я.

– Хоть бы соврал перед смертью.

– Надоело, не хочу. Сейчас я просто прошу о помощи.

– И это все? Имея столько козырей теперь... А где же угрозы, шантаж, вымогательства?

– Так и вертятся на языке. Но что-то не хочется заканчивать жизнь негодяем. Я же не какой-нибудь ты.

Теперь рассмеялись оба.

– Ну, так заканчивай героем, что ж теряешь вре... ого!

Судя по звукам, у тебя там лавина?

– Есть немного.

– Превосходно. Ну, пока.

– Стой! Знаешь, я тут мельком увидел твою медкарту у Шимы и все думал, что же у нас общего. И вдруг меня осенило.

– Ну?

Связь прервалась. В клетку хлынул снег, он мгновенно таял, касаясь прутьев, и капли превращались в ручьи, а ручьи в потоки. Ледник пополз из-под ног. Робот уже приготовился врезаться лицом в решетку, когда и сеть поехала вместе с ледником. Снега валило столько, что он уже не успевал таять

и заполнил всю клетку сверху до низу. Он был колючий и твердый, как бетон, и кувыркал сетку с андроидом под гору, набирая обороты.

Скоро плазма обдерет его, как песка на звероферме. Рот, нос, уши забил проклятый снег. На вкус он был словно металл с песком. А сквозь дыру под левым веком он, кажется, попал и в мозг. Восхитительно. Этот день не задался с самого позавчера.

6. Глава, в которой от зла до не-совсем-зла один разговор по душам

Где-то ниже Самину барахтало в пурге. Карфлайт не мог набрать высоту, и вместо курса на запад, к вормхоллу, ее несло к подножью горы. Лавина позади настигала. Голубые вихри казались не снегом, а потоком из расколовшейся плотины.

– Ну же! Да взлетай же!... – Самина колотила по штурвалу, но тот врубил автопилот, как только видимость из-за снега упала до нулевой. На предгорье густо рос можжевельник, и карфлайт тащило прямо в колючки. Аппарат тыкался в кусты, крутился на высоте не выше трех метров, а снег и ледяные обломки напополам с гравием били в корму. Аварийные огни замигали в режиме эвакуации. Разблокированный клинкет распахнуло навстречу пурге, и в салон нанесло веток, мерзлой земли, палок. Самина отстегнулась, чтобы добраться до консоли управления и закрыть дверь, но карфлайт взбрыкнул, и ее выкинуло наружу.

Девушка успела вдохнуть. Немного. Это все, что она успела, прежде чем лавина упаковала ее в грязный снег. В темноте и неестественной тишине Самина попыталась дернуть ногой. Или рукой. Да хотя бы пальцем, черт возьми! Это же снег, детка, давай! Нет. Ей показалось, что снаружи шумит

что-то, но... нет, слишком размеренно: это была ее кровь. Сосуды в ее голове. Бушевали, как ратрак на склоне. Новый звук – щелчок – включился термоконтроллер комбинезона. С одной стороны это было хорошо. Она замерзла. С другой – лишнее тепло превратит снег вокруг нее в ледяной саркофаг. Хотя... она что, еще надеется выбраться? «И умерли в один день», – вот что примирит их с андроидом в конце хроник.

* * *

Лучший день в жизни. Честное имперское. На пути под гору Эйдена прокатило по всем прутьям внутри клетки. Но потом был удар о валун, и на повороте андроида выбросило через ту дыру, что он успел проделать. Конечно, она была куда меньше, чем робот. Конечно, он оставил внутри целый рукав, часть куртки и даже изрядный кусок брюк. Конечно, все это вместе с кожей. От правой щеки и до колена она осталась шкварчать где-то под снегом, на сетке. Признаться, запах горелой синтетики вовсе не похож на барбекю.

Но он был свободен – это раз. И все нужные части тела остались при нем – это два, три, четыре и даже, пожалуй, пять. Было свое преимущество и в руке без такого баловства, как высококлассная кожа. Черствый снег куда легче крошился в блестящих пальцах, а жестким стальным плечом удалось разрыть себе достаточно места для дыхания. До поверхности здесь было недалеко, и Эйден заработал на пределе сил. Тот час под ребра навалило снега, песка и черт знает, чего еще. Края его ран запаяли сами же прутья клетки. Хоть опасно-

сти потери крови уже не было. Но потеря кожи все-таки была ощутимой. Здесь, под снегом, синтетик не мог оценить в полной мере, сколько в нем осталось от прежнего человекоподобия. Но он скоро узнает. Уже недолго.

Он пробил тяжелый наст и выбрался на свет. Снег еще голубел, было раннее утро. Да, лавина стащила его вниз всего за несколько минут. Робот оглядел и ощупал себя. На ногах его держала только злость, не иначе. Металл черный и светлый, матовый неопластик просились наружу с правого виска и вниз по скуле, где кожа сошла узкой лентой. Уху повезло. Зубы наружу не торчали, тоже большая удача. Кость нижней челюсти оголилась совсем чуть-чуть. А дальше был кошмар. Тонкие жгуты и прутья шеи, стержень ключицы, правая сторона груди и живота блистали родиим. Сбоку и на спине андроид был исполосован серебристыми волокнами мышц. Правая рука от самого плеча была целиком освежевана. Вселенная смилостивилась, где надо, и разрыв ушел в сторону, но закончился только у колена. И весь торс внутри запылило грязным снегом. Эйден отряхнулся, как пес, но едва ли помогло. Он спускался и выскребал можжевеловые иглы из-под ребер прямо на ходу, когда увидел впереди обломок карфлайта.

Самина тоже попалась! Самый. Лучший. День.

* * *

Комм в запястье Шиманая тренькнул. Код Самины.

– Да, моя птич... – киборг подавился фразой и вскочил с

места, когда экран развернул ему мрачного робота. – Э... э... э... Эйден?

– Чирик-чирик, – рыкнул синтетик. – Чего же ты всполошился так, Шима? Не чересчур ли. Давай, скажи мне, что ты здесь не при чем.

– Где Самина? Что с ней?

– Я сперва подумал на Бена, но кибернетик точно увязался бы за ней в горы.

– Где Самина!

– А потом я решил... нервизолер, форма, плазмосье... какой сложный реквизит, и кто же мог все это достать?

– Где она, Эйден? Умоляю...

– Здесь. Надеюсь, целиком.

Изображение сместилось вниз, где у ног синтетика был разрыт грязный снег. Из-под корки виднелась белая рука. Ссадины и занозы, обмороженные пальцы, ногти сломаны в безуспешных попытках выбраться наружу. Очевидно, с этого самого запястья синтетик только что снял комм. Хорошо, если только что!

– Пульс еще есть. – он равнодушно тронул бледные пальцы носком ботинка и перевел экран на себя. – Под снегом почти не осталось воздуха. Так что жизнь ее зависит от того, насколько быстро ты примешь мои условия.

– Не заставляй меня выбирать между ней и Браной!

– Тогда я отпилю эту мороженую плоть и брошу на реле, – синтетик вскинул зазубренную иглу нервизолера.

– Реле откликнется только живой жрице Диастимы!

– О, неужели?! Тогда, выходит, я отпилю ее зря!

От накала ярости затрещал экран и рисковала сойти еще одна лавина. Шима заподозрил, что в таком состоянии андроид мог исполнить любую угрозу. Он замолк и ждал, когда схлынет эта имитация бешенства. Имитация, слишком близкая к правде.

– На Роркс мне уже не попасть. – продолжал андроид. – Вы двое отняли у меня неделю. Четверть от максимального срока, который я отвел на то, чтобы рискнуть всем ради нее. Довольны?

Кафт вышел из оцепенения:

– Что мне надо сделать?

– Мои координаты уже у тебя. Лети в ближайший вормхолл и лопни по швам, но достань корабль, способный доставить нас к Алливее.

– Вас?

– «Вас?» – раздраженно передразнил робот. – Нас с тобой, киборг! Тебя нельзя оставлять на одной планете с Саминой. За ней здесь присмотрят... И да, найми приличного межзвездного пилота.

– Да где же мне взять пилота?!

– Меня это не касается. Но со мной одним ты живьем не долетишь.

– Когда мне все успеть, Эйден? Кротовины для бранианских кораблей будут открыты с девяти до полудня!

– Вот ты и определил для себя дедлайн. Увидимся на месте.

– Эй?!

Но комм уже отключился. Шима наспех свернул биоскоп, смахнул мышей в террариум и, как был в медицинском комбинезоне, бросился на стоянку.

* * *

Бледный свет, черный снег. Самина жмурилась и мотала головой в надежде вытряхнуть землю и воду из ушей. Андроид нарочно откопал ее только наполовину и стоял над ней, страшно разодранный. Справа он был словно вывернут наизнанку. Если вся эта требуха металлом наружу отражала хоть десятую часть его злости, ей стоило всерьез опасаться нервизолера в освежеванной руке. Ткань имперской формы чинила себя прямо на глазах, прикрывая раны.

– Слишком буквально ты восприняла мои слова о врагах, – этот резонирующий о ребра голос, как тогда в тюрьме, вызывал головную боль. – Посчитала за призыв к безумию и убавила шансы выжить на двадцать пять процентов. Молодец. Хочешь ликбез по имперским андроидам, мое хладнокровное крем-брюле?

Эйден нагнулся, чтобы взять немного снега с можжевельновыми колючками:

– Он совсем короткий: эту твою жалость надо было загнать мне в позвонки до восьмого щелчка.

– Я... – продолжить ей не дал крепко слепленный, увеси-

стый снежок, прилетевший точно в лицо. Девушка согнула омертвевшую руку, чтобы стряхнуть мокрый снег со щеки. Когда она смогла открыть глаза, синтетика на утесе уже не было.

«До восьмого. Как скажешь. В следующий раз не обсчитаться бы».

* * *

Из подлеска, царапая кусты брюхом, выскочил синий карфлайт. Пилот собирался взлететь к утесу, но заметил синтетика у подножья и вильнул, чтобы затормозить. Машина послала в работа сырой песок и ветки, прежде чем затихла.

– Ах ты, живучая рептилия, – из машины лениво выпорхнул Бритц. – И что же у нас с тобой общего?

Ну, конечно. За каким еще дьяволом мчать тысячу миль к тому, кто пришил тебя к стене, как не за тем, чтобы задать риторический вопрос. Эйдена еще колошматило от снега за глазами и внутри тела.

– Родились в один и тот же день, – он сорвал остатки кожи с шеи. – Я возьму твой карфлайт.

– Что? – Бритц попытался ухватить клинкет, но синтетик изловчился и вспрыгнул на подножку.

– Там на утесе одну идиотку придавило снегом, карфлайтом и неподъемным эго. Верни домой и не спускай с нее глаз пару недель.

– Ты слишком наглый для безработного, – эзер угрожающе выпустил крылья.

– Мне некогда парировать, надо успеть к вормхоллу.

– Одну секундочку... Не объяснишь мне, если не трудно, мою мотивацию?

– У меня правда нет времени, пожалуйста, Кайнорт!

Эзер цокнул языком и закатил глаза:

– Тебе стоит потренировать тон волшебных слов. Твое «пожалуйста» все еще звучит как «голову с плеч».

– А зачем прилетел-то?

– Не знаю. Добить.

Эйден усмехнулся и сразу посерьезнел.

– Нет, я первый. Кай, я хочу разорвать магнетарную цепь. Помоги мне. Пожалуйста.

– Вот так новости! А разве я не должен защищать интересы Харгена? Я здесь на неплохом гонораре, между прочим.

– И хочешь сказать, Зури купил тебя. Ты минори, серый кардинал насекомых, и что ты чувствуешь всякий раз, как Харген распыляет планеты? Кто следующий попадет в немилость или просто под руку? Нравится жить, как на пороховой бочке?

– Я должен убить тебя, машина. – Бритц охрип и говорил тихо, в изумлении распахнув глаза, большие и совершенно белые. – Даже не арестовать, слышишь? Убить на месте. Ты хоть понимаешь?

– Давай. Ты сильнее меня. Я молчу про зрение сто кадров в секунду против моих сорока восьми. Так превратись и убей – за своего хозяина, за гонорар, за все, что было между

мной и Эзерминори! Нет? Ты прилетел сюда, не зная о моих планах – лишь потому, что интуитивно считаешь меня правым. Теперь ты все знаешь, но даже не взвел свой армалюкс. Так перестань же болтаться из стороны в сторону! Кайнорт, я разберусь с наводчиком. А ты береги ее.

– Цепь невозможно разорвать, Эйден. – рука эзера уже не так уверенно держала клинкет. – Магнетары тебе не по зубам.

– Вы так думали об Эзерминори когда-то.

Кай разжал пальцы, и дверь щелкнула за синтетиком. Карфлайт качнулся, взвизгнул и исчез в лесу. Эзеру не осталось ничего, кроме как закурить.

– Аспид. – сплюнул он, расправляя крылья. – Замотивировал? Или завоевал... не поймешь.

Утес из голубого стал белым: дневная атмосфера изменила длину лучей. Звонок андроида прервал очередной перекус. Теперь из-за потери крови и большой высоты Кайнорт берег кислород и не превращался полностью. Крылья, хвост для балансировки. Девчонка торчала из-под снега даже не наполовину. Синтетик дюже разозлился на нее, раз оставил в таком виде. Кожа на руке и шее покраснела, лицо обветрилось, пальцы не чувствовали боли, хотя сильно кровоточили. Самина продолжала грести и отламывать куски наста. Она пыталась высвободить себе место, чтобы вдохнуть поглубже. Вот она узнала вибрацию в воздухе, закрутила головой, но только запуталась в волосах, полных комьев снега.

– Так-так. – эзер нарочно встал так, чтобы ей пришлось вывернуть к нему шею. – Тут я должен как-нибудь щедро поглумиться над тобой, но охота убратся отсюда поскорее. Я уже испачкал кеды.

– Чтобы отомстить, тебе сначала надо меня выкопать.

– Мстят равным. Не шевелись.

Для того, чтобы разрыть спрессованный лавиной снег, он выпустил из грудины четыре жесткие лапы. Самина зажмурилась, когда в лицо ей полетели камушки и мерзлый песок. Она не знала, стоит ли помогать энтоморфу. Боялась, что он не спасает ее, а добывает себе пропитание. Свежую заморозку.

– Как ты вообще нашел меня?

– По запаху.

– То есть я имею в виду... зачем?

Кайнорт раздраженно откинул упавшие на лоб волосы и почесал щеку стрекозиной лапой, оставляя на лице грязный след. Еще один темный штрих на слишком ровных, симметричных чертах минори. Черные брови, черные ресницы на чистом листе – вот и все, что видели жертвы. За редким исключением, когда он злорадствовал, это лицо невозможно было нарисовать или запомнить. А может, дело в том, что мало кто и хотел-то, собственно.

– Ты из научного интереса любопытствуешь или с целью переубедить меня и остаться тут, под снегом? Эйден попросил – я копаю.

– Уж лучше гнить тут, чем под твоим присмотром. Слушай, чем он тебя купил? Лекарство ты уже забрал, ты теперь от него не зависишь! Он получил под зад от своего же канцлера, больше ему нечего тебе предложить!

– Не двигайся, я ведь сказал, – его когти соскочили с глыбы, резанули теплый комбинезон Самины и кожу под ним.

– Только дай мне добраться до биоскопа. Теперь я знаю, для чего он на самом деле нужен.

– Не выходи из берегов. – тоном нежной матери посоветовал Бритц. – Его волнует твоя жизнь, но о здоровье речи не было. Даже не думай мне угрожать. Твой вид для меня – скот, кровавая колбаса. А ты видела, как я веду диалог со скотиной.

– Навозный жук!

Оставляя последнее слово за ней, Кайнорт продолжил копать молча.

– погоди. – нахмурилась девушка. – Ты сказал... «попросил»? Эйден?

– Представь.

– И ты поплыл! Это просто какой-то новый уровень манипуляции.

– Чертовски приятный. Он даже сказал «пожалуйста» – два раза. Это войдет в анналы.

Самина была почти свободна, когда обнаружилось, что снизу ее ноги прижимает карфлайт. Машина давила на глыбы льда, под которыми застряли ноги биолога. Вот почему

она не могла их вытащить, как ни извивалась. Бритц попрыгал на верхней глыбе, отчего Самина не сдержала ругательство, и скептически качнул головой.

– Возможно, и не долетим. – процедил он в никуда.

Он превратился целиком, чтобы свернуть тяжелые глыбы. Девушка отталкивала средние и мелкие. Перчатки давно потерялись, она царапала руки о лед и щепки. Эзер уперся хвостом в утес и обхватил тяжелый зад карфлайта шестью лапами. Крылья всколыхнули и затрясли воздух, нагоняя грязную пургу, и наконец машина поддалась. Самина вытащила ноги из капкана и отползла повыше. Она еще не могла встать, но чувствовала: цела.

Онемение сменялось жгучей щекоткой. В сосуды возвращалась кровь. Рядом Бритц мучительно принимал человеческий облик: руки-ноги, последним он втянул хвост и упал на колени, задыхаясь. Самина увидела порезы на его ладони. Эзер поцарапался, когда крошил наст. Кровь была прозрачной.

– А-а, да. – кивнул он, проследив ее взгляд. – Я пуст и голоден, как древний упырь. Жалеешь теперь, что оставила меня истекать кровью в лаборатории? Что делать будем? Как я потащу тебя в город, а?

Только не это.

– Постой, ты же не будешь...

– Твои предложения? Лететь часа три. Оброню тебя где-нибудь в пустыне, если не запасу эритроцитов для имаго.

Пока он говорил, его ленивый взгляд лизал скалы. Но в итоге так и вернулся к Самине. Она была готова броситься с утеса вниз, лишь бы перед глазами не маячила картинка с растерзанной рабыней из башни эзеров.

– Нет, Кайнорт. Я доберусь пеш...

– Прекрати, в конце концов, не все же подышают, когда я ем!

Он рассмеялся и превратился – в последний раз. Самина знала, что больше ему не взлететь, пока не получит крови, а значит, он сделает все, чтобы закончить трапезу. Девушка упала и сжалась на снегу, когда к ней ринулась стрекоза.

7. Глава с эффектом ореола и вечно бесполезным планом А

Тридцать миль для полицейского карфлайта обернулись минутой полета. Все это время робот переодевался в запасную форму службы безопасности, доверив управление автопилоту. Эйден избежал половины контроля на блокпостах только благодаря цвету машины и еще половины – с помощью виртуального кода Бритца, который рассылала консоль управления. И все же на подлете к вормхоллу аппарат принудительно затормозили. Зона вылета была накрыта куполом таможни, и робот приготовился спрыгнуть и добираться пешком. Но клинкет не поддался. Службы безопасности замуровали все машины, чтобы избежать таких лазутчиков, как он.

Документов у андроида, разумеется, не было. И на владельца карфлайта он был, разумеется, не похож. Единственное, за что можно было зацепиться, на чем сыграть – это стиль. Бритц мерзавец и психопат, но в стиле ему не откажешь, в этом и лазейка. Люди привыкают к фишкам, изюминкам, и за ширмой их ореола перестают видеть суть. Для большинства легко сложить образ малознакомого человека наброском из его наиболее контрастных пятен. И чем их больше, тем проще обмануться.

Эйден судорожно порылся в бардачке, откуда выудил сигареты, солнцезащитные очки, VIP-абонемент на паучий рестлинг, методичку сольфеджио по хроматическим гаммам, ворох чеков от гувернеров и – ничего себе! – членскую карту сафари-клуба «Зимара». Элитарного квест-клуба для самых отбитых маньяков, где те гонялись друг за другом. Вызов инстинктам убийц-интеллектуалов в заснеженных дебрях органично дополнял образ энтоморфа. Фото на карте охотника не было предусмотрено. Как удачно.

Он вздохнул, когда увидел дюжих парней в форме пограничных войск. Опять драться. Опять получать по башке. Может, хоть под музыку на этот раз? Карфлайт, судя по всему, уже долго был в личном пользовании капитана. Он сохранил его горький запах, а возможно, и плейлист. Из динамика захлестал безбашенный дэт-метал, под который Бритц, не иначе, крошил котят в рагу. Пограничники болтали и смеялись на ходу, значит, проверка была плановой. Кай не подвел. Не послал им ориентировку. До этого Эйден не был уверен, что их сумбурный диалог и аргументы на грани абсурда убедили эзера, и ждал чего угодно. Под гиблый трек мысли трясло и шатало. Оставалось лишь надеяться, что и охране это не даст сосредоточиться.

Он приоткрыл окно и высунул нос. Последнюю часть лица, не тронутую приключениями. И единственную, похожую на ту же у Кайнорта. На носу уселись очки, скрывая черный глаз и серебристые шрамы слева. Рвань справа он на-

спех подпер правой рукой, тотчас с раздражением сообразив, что так еще хуже: рука была совсем без кожи. Вряд ли гордый эзер, даже потеряв кисть, заказал бы протез из имперской платины. Тогда Эйден прислонился к раме щекой. Что-то забыл. Что? Охранники подошли к карфлайту, вяло отдали честь и поскребли двухдневную щетину. Смена подходила к концу.

Закурить, вот что. Эйден щелкнул сигаретой и пожалел, что Кайнорт, соблюдая этикет, убирал ее подальше от лица собеседника. Ему бы сейчас не помешала завеса дыма.

– Доброе утро, капитан! – салютовал охранник, щурясь на солнце, которое сегодня играло на руку Эммерхейсу. – Рано как. Вроде до окна эзеров еще часа три!

Андроид сдержанно кивнул и приглушил музыку.

– Совмещаю приятное с полезным, – голосом энтоморфа объяснил робот. – Инспектирую патрульные системы вормхолла из-за трагедии с сыном председателя.

Не выпуская сигарету, той же рукой он небрежно протянул в окно карту сафари-клуба и отвернулся, изображая, что дежурный регламент отвлек его от дел куда более важных. Дэт-метал сменился воздушным ноктюрном для клавиш в сопровождении смычка. Пограничник едва мог сосредоточиться на документе: его огорошила новость о внезапном аудите.

– Ох, господин Бритц, но это же... – растерялся парень и вернул ему карту, чуть виновато. Эйден улыбнулся.

– О, точно! Прошу прощения, – копируя придыхание эзера, извинился он и полез в бардачок за удостоверением, которое очевидно забрал Кайнорт. Будет он расставаться с документами, как же. На пол рассыпались чеки. Солнце нещадно слепило, а внутри карфлайта было темно. Белый сигаретный пар охранник, видимо, принял за дымок, предвещающий разлет крыльев – от раздражения из-за ненужной проверки. Все просто: они видели не больше и не меньше того, чего и так ожидали.

– Да ладно, ладно... – пограничники отпрянули и замахали руками. – Не надо! Мы уж так просто... Снова на сафари, значит? К поясу астероидов?

Эйден не ответил. Он был не в ладах с космографией злых мест и попридержал язык. Пока, ко всему прочему, никто не заметил, что он у него раздвоенный.

– Зону досмотра приведите в порядок. – бросил он, и парни закивали, как болванчики. – Всего доброго.

Он дернул штурвал. Ну? Карфлайт поддался и рванул к стоянке вормхолла. О-бал-деть. Пока машина самостоятельно парковалась, Эйден вскрыл багажный сейф и достал служебный комм Бритца. Он развернул экран и послал эзеру привет – на личный.

В посадочной зоне за периметром стоянки охраны вовсе не было. Свобода.

* * *

Трудно представить звуки страшнее. Хрустнули позвон-

ки, в горле забулькало, закипело. Прошла вечность, прежде чем девушка поняла, что не в ее горле. Она подтянула колени к груди и встала на четвереньки, оборачиваясь.

Позади нее загребала когтями пума. Уже в агонии. Глаза остекленели, язык вывалился на снег – мерзко, но вместо кошки могла оказаться Самина. Здесь у пумы не было естественных врагов. Трехметровая стрекоза оказалась для нее сюрпризом. Кайнорт пил долго и жадно, передние лапы направляли струи к жвалам. Биолога замутило. От увиденного, от страха, от падения. Она отползла подальше и умылась относительно чистым снегом. Бритц покончил с поздним завтраком и чистил крылья передними лапами, как огромная муха. Самина ждала, что он вернет себе человеческий облик, но стоило ей отвернуться, как жесткие лапы подхватили ее поперек живота и оторвали от земли. Эзер сэкономил силы и время. Обернись он лишний раз перед полетом с целью морально подготовить ее, воплей точно не стало бы меньше.

Соль в том, что к такому не подготовишься. Самина охнула и зажмурилась, чтобы не видеть улетающие скалы и мертвую пуму. Бритц нес ее лицом к земле, как дохлую фретку. Захотелось инстинктивно поджать ноги, но в тот момент стрекоза перехватила ее под мышки и сжала крепче. Ветер бил по лицу, и в холодном вихре стало трудно дышать. И негде спрятать нос. Девушка прижала к нему кулаки, обтянутые рукавами. Но нашелся в ее положении и большой плюс: собственно чудовище было почти не видно. Самина понятия

не имела о скорости полета, но елки внизу слились в одно сплошное зеленое море. Жесткие волоски на грудных сегментах эзера царапали ей шею. Самина поежилась, заерзала, опять попыталась согнуть ноги и... полетела вниз!

Завизжать не успела: черный хвост изогнулся и хлестнул ей под дых, кувырнул в воздухе – и лапы вновь сцапали ее, но на этот раз прижали к себе лицом. Бритц обращался с ней, как с недорогой игрушкой. Схватил поудобнее, чтобы рвануть вперед и ввысь. Резвее, еще резвее. Самина поняла, что впредь лучше не ерзать, и обхватила чудовище коленями. Она устроила нос под жвалами стрекозы, где воздух не свистел и был теплее.

На обложке старой детской книжки нарядная фея седлала стрекозу и погоняла ее гороховой плетью, словно циркового пони. Ну-ну. Просунь Самина хоть палец к спине Бритца, вертолеты крыльев оторвали бы его по локоть в считанный миг. Верхом на стрекозе можно было разве что приготовить фарш из феи.

– Куда мы летим? – девушка старалась перекричать ветер. – Бритц! Куда?

Капитан не ответил. Оттого ли, что не мог говорить, пока не обернется, или оттого, что не считал нужным отвечать. Грубый ворс под его жвалами пах кровью.

* * *

Когда при обходе патруля Эйден нырнул под багажную стойку, где кто-то пролил кофе, он рассудил, что не стыдно

валяться в луже, а стыдно попасться чистеньким. Когда от жажды слипся язык, робот без лишней рефлексии стащил флягу у привокзального бродяги. Но когда он вытряхивал песок и хвою, корчась в экспресс-мойке для роботизированной уборочной техники... Уж тут самооценка затрещала и посыпалась.

– Эйден! – Шиманай забежал в санблок вормхолла и свирепо оторвал настенную сушилку, ни в чем не повинную. – Эйден! Самина в безопасности?

– С ней Бритц. Он прислал мне это, – андроид развернул недавний диалог.

«– Меня приняли за тебя, смени охрану! И плейлист ;)»

– Спасибо, у нас все хорошо.

– С жемчужины моей глаз не спускай. Изобретательна и агрессивна.

– Можно не церемониться?

– Можно».

Переписку завершало фото Самины. Бледно-зеленая, грязная, прикрытая одним полотенцем, она посылала Бритцу неприличный жест на пути в душ. Должно быть, где-то в башне эзеров.

– Ублюдок... – выплюнул профессор.

– Для нее уж лучше он, чем Бен или Харген.

– А Бен-то чем плох?

– Да просто. Я ревную.

– И ты ублюдок! – тут он впервые заметил, что андроид

местами дырявый. – И что это с тобой?

– Так модно теперь. Достал корабль?

– Уже на старте. Кто бы мог подумать: именитый ученый и чудо робототехники – натурально тырят коня!

– Меня уволили, я мылся в общественном туалете, лакал из крана для кошек. Ниже дна падать некуда, Шима. Теперь пойдем воровать звездолет.

Синяя полицейская форма вызывала среди бранианцев едва ли меньший трепет, чем имперский китель. Так что Эйден не только не привлекал внимания, но издалека разгонял пассажиров одним своим видом. Правую руку синтетик убрал в карман, а воротник приподнял, скрывая металл на шее. Шима рядом тоже сыграл на руку. Здесь пялиться на киборга считалось неприличным, и пассажиры смущенно отводили взгляд. Частные суда не требовали проверки документов. Они миновали общий зал регистрации и сразу вышли к посадочной зоне.

Эйден ожидал разнообразие форм и размеров кораблей, но взлетная площадка была похожа на птичий инкубатор. Половинки скорлупок застыли острым концом вниз. Края их вверх были неровные, как у разбитых напополам яиц – громадных, как целый дом. А еще казалось, ткни их пальцем, и они покачнутся, скатятся с цоколя и завертятся на боку.

– Вот наш посадочный модуль. – Шима кивнул на средних размеров скорлупу.

– Я надеюсь, у тебя из-за него будут проблемы.

– У института. Я оформил аренду на имя ректора. Урезал мне финансирование, вот кто настоящий разбойник.

Время бранианских кротовин подходило к концу.

– Шима, а где наш пилот? – напряженно огляделся робот.

– Мы заберем его по дороге. Ты ведь в состоянии вывести модуль на орбиту?

– Конечно. У вас их туда кротовина выбрасывает.

– Там еще предстоит состыковаться с блоком двигателя. Справишься?

– Вообще-то я был старшим офицером звездолета. Не нагнетай.

Кафт пожал плечами, и они поспешили взойти на борт. Внутри корабля дерзости андроида поубавилось.

– Это что, аналоговый штурвал? Гидравлический дроссель, ты шутишь?

Профессор не мог шутить при всем желании, ибо понятия не имел, что за зверь такой – дроссель. Да и остальные слова он разобрал лишь по отдельности.

– Не думаю, что для тебя это так уж трудно. Все-таки ты сам пилот. Тот крейсер, на котором ты сюда упал, на вид куда серьезнее.

– Только на вид. Истребители класса «диспайс» не межзвездные. Иначе говоря, там всего три кнопки: вперед, назад и пли. Такой... я не знаю, космический велосипед.

– Но ты побывал и старшим офицером на звездолете.

– Четыреста же лет назад, а не четыре тысячи, – андро-

ид все мог устроиться в кресле пилота. – Сиденье крутится только в одной плоскости... чума. Может, здесь и якорей гравитации нет?

– Якори сейчас везде, даже у совсем отсталых. И всем станет легче, если ты отключишь имитатор эмоций, хоть на время! – Шима пульнул мячики поочередно в кресло, в штурвал и в плечо синтетика. – Не волнуйся, я буду твоим штурманом.

– Руки пристегни. Иначе будешь моим юбилейным несчастным случаем.

Половинка белой скорлупы оторвалась от площадки и заскользила вверх, к пусковому шлюзу. Неслышно и плавно, как перышко на ветру. Эйден ничем не выделялся из облака точно таких же кораблей. Из экономии кротовина выпускала по пять-десять скорлупок за один присест. Поднимаясь над вормхоллом, они были похожи на те фонарики, которые пускают в небо, чтобы загадать желание. Интересно, сколько желаний пассажиров внутри них противоречило друг другу прямо сейчас, в этом облаке из кораблей?

– Мелкие носятся внутри одной системы, – Шима болтал без умолку. Чем выше они плыли, тем сильнее тревожил его водительский опыт четырехсотлетней давности. Он уж был не рад своему плану, но это все, что он сплел за отведенное время. – Широкие принадлежат грузовым компаниям. А средние, вот как наш, летают между звездами.

Их модуль был просторный, но недостаточно большой для

серьезных перелетов. Бранианцы летали на углеводороде, и для батарей требовалось куда больше места, чем могла вместить рубка.

– Сколько еще модулей нужно присоединить, чтобы добраться до Алливеи?

– Кроме блока аккумуляторов на орбите – еще три. Нужны будут крылья, или паруса. Такие широкие, плоские модули. Как только нас выбросит, приготовься действовать шустро.

– Три дополнительных модуля. И где мы столько возьмем?

– У меня есть план.

Эйден оглядел мегатонны индикаторов. Он был здесь случайным гостем, которого хозяева попросили захватить что-то из холодильника, но не уточнили, с какой полки. Да еще этот снег в мозгах.

– Стоп! Не могу найти румпель стыковки.

– Я не знаю, что это, но оно прямо перед тобой – если верить надписи. – трудно было не заметить румпель под кричащей табличкой. – Так уж обязательно психовать за рулем?

– Конечно, я так соображаю быстрее. Шима, а план Б у тебя есть?

– А вон он, в углу. Если что-то случится – клади мой мозг в тот контейнер. Бери левее, робот!

Эйден уклонился от соседних кораблей неожиданно ловко. Скорлупки впереди выбирались из шлюза и исчезали в кротовинах: размазанная ввысь вспышка – и нет звездолета.

Наверное, издалека казалось, будто в небе над Браной звезды падали вверх. Только днем и слишком густо. Настала очередь их корабля, и...

Космос! Вокруг сверкали звезды и сновали мириады самых разных кораблей. Шима не сдержал крепкой брани, когда в мгновение ока день сменился ночью.

– Чем ты возмущен, старый лис? – вкрадчиво зашипел Эйден. – Не тем ли, что туннель не схлопнулся? Или тем, что секунды идут, а мне все никак не оторвет башку?

Кафт сжимал и разжимал кулаки, еще пристегнутые к подлокотникам.

– Как ты избавился от чипа?

– Оказалось, вторая функция нервизолера – удаление маячка. Он цепляет датчик на первом щелчке и сразу отключает. Выдрал его вместе с иглой и перезапустил детонатор. Знаешь, где он теперь?

Шиманай мигом отстегнулся, вскочил, как ошпаренный, захлопал себя по карманам. Он уже начал сдирать комбинезон, когда раздался хлопок. Из контейнера в углу потек субстрат для консервации мозга. Шима поник. Натягивая комбинезон обратно, он не смотрел на андроида.

– Чем дольше ты не спрашивал о чипе, – объяснял Эйден, – тем глубже я сомневался, что твой план существует. Вернее, простирается дальше вормхолла. А запасной план – автодетонация датчика у меня в хребте. Так?

– Так.

– Что ж, твой спасательный круг лопнул, и я рад сообщить, что отныне твоя жизнь зависит от моей. Куда тут стыковаться?

Шима еще ползал по полу в надежде собрать остатки субстрата в осколки контейнера. Ничто так не заставляет трыстись за жизнь, как бессмертие. Пусть даже самое мучительное.

– Вон тот модуль батарей подойдет, – сдался профессор. – Нет... нет-нет, вот этот! Да, он.

– Так здорово, когда штурман искренне переживает за успех полета, – улыбнулся Эйден. Полумодуль батарей представлял из себя точно такую же скорлупу с неровными краями. Андроид потянул румпель стыковки, края модулей засветились, «познакомились» и начали трансформацию. Детали на стыках ворочались в длину и ширину, меняли тип разъемов и диаметр кабелей в угодую друг другу. Все заняло минут пять. Мимо пролетали уже готовые корабли наподобие вытянутых яиц. Мелкие напоминали кабачки, а ширококостные грузовики были надуты, как глобусы. По бокам кораблей располагались продолговатые ниши для присоединения межзвездных парусов и батарей. Кое-кто уже обзавелся несколькими крыльями. Вероятно, они тоже летели в другие системы. Мимо вальяжно плыло яйцо с десятком модулей-парусов – судя по логотипу на борту, делегация волонтеров к Эоле. Да, после той перестрелки с Проци и удара Харгена им не помешает гуманитарная помощь.

– У нас есть большое желание, немного провизии и батарея до границы звездной системы. – Эйден оглядел готовый модуль, на удивление неплохой по состоянию. – Но Шиманай, нам все еще нужны три крыла. И пилот. Даже не знаю, что и важнее.

Профессор Кафт почесал воображаемую щетину на подбородке.

– Один парус мы, пожалуй, и купить можем.

– Купить? Единственное, что у меня с собой ценного, это квантовая плата в голове. Но без нее со мной будет скучно.

– Частные перевозчики хранят средства на непредвиденный ремонт прямо в системе корабля. Этот модуль уже повидал звезды, а значит, тут могло кой-чего накопиться.

Синтетик перерыл бортовые файлы и наскреб ерунды какой-то. Он не разбирался в бранианской метрике, но смекал в деньгах.

– Хотя местная валюта и окрепла на фоне перипетий в Империи, на парус нам этого не хватит.

Шима глянул на экраны:

– Не хватит на новое крыло. Но мы можем заскочить на базар, за поддержанным.

– Куда?

– На барахолку. Блошинный рынок! Рули налево.

– Шима, я знаю, что такое базар. Но звездолеты у нас там не продают.

– Тю! Никудышные у вас барахолки.

8. Глава с ароматом кофе и бергамота

От переизбытка белого слезились глаза. Самина в белой пижаме, в пушистом белом кардигане свернулась на белой софе и пила третий пузырек белого чая. Но все никак не могла согреться. Эзер тащил ее два часа без передышки, и когда прилетели в город, девушка была уже не в состоянии возражать против Башни Эзеров. Сейчас ей пришлось бы по душе и темное подземелье. Любое место, где нет снега. Бритц вежливо парировал, что подземелья здесь, к сожалению, нет, но если ей приспичит пострадать, то он что-нибудь придумает. И заточил ее в апартаментах оттенка «вырви глаз».

– Надолго я здесь?

– Как уж повезет Эйдену. – Кайнорт смахнул пылинку с рукава и задумался. – На веки вечные.

– Я умру к вечеру – от информационного голода.

– Не преувеличивай, здесь полно красок.

– Например?

Он улыбнулся:

– На изнанке ковра есть большое пятно от крови.

Капитан распорядился, чтобы рабыни-шчеры обеспечили биолога всем необходимым, а сам застегнул на ней браслет-маячок. Девушек из прислуги было две, обе чрезвычай-

но бледные, с небрежно прикрытыми кровоподтеками на запястьях и шее. Богатые волосы цвета какао, ясные сапфиры глаз. Они не смели поднять их на минори или коснуться его ненароком, опасаясь подать ему идею отобедать пораньше и поплотнее. Но биолога изучали с большим интересом. Они решили поначалу, что это новенькая рабыня. Не найдя за ее воротником длинных шрамов от жвал стрекозы, которыми были сплошь урезаны их собственные ключицы, девушки растерялись и утратили интерес. Их здесь давно отучили подключать ум и логику. Насекомые имели разный ротовой аппарат и питались по-разному, каждый оставлял на жертве свои шрамы. Словно автографы. Биолог заметила, что обе служанки имели только отметины Бритца. Значит, личные рабы, которым эзер не то чтобы доверяет... просто никто не хватится, если в случае чего он их убьет из конспирации.

– Самина, послушай меня. Не стоит проявлять импульсивность и другие глупости, – он отогнул краешек белого ковра, чтобы показать ей то самое пятно. – Не добавляй сюда красок.

Эзер щелкнул рабыням и исчез вместе с ними за дверью. Девушка испуганно забилась в угол и боялась пошевелиться. Изнуренная полетом, задавленная лавиной и страхом, она задремала на диване.

Можете в это поверить? Шучу, конечно нет – вы уже достаточно узнали бестию. Не успел замок провернуться, как Самина откинула плед из викунии и кинулась искать лазей-

ку для побега. Панорамное окно было заперто и бронировано. Ладно. Все равно там была невероятная высота. Девушка распахнула все шкафы, до которых смогла дотянуться, разорила секретер и гардероб, раскидала все ящики, которые только нашла. По большей части они были пусты, но где-то подозрительно жужжало. Девушка сорвала шторы с карниза и выломала серебряный кронштейн, чтобы воспользоваться им, как монтировкой. Из раскуроченной панели на стене дохнуло морозцем, наружу вырвались клубы пара. Самина вскрыла холодильную камеру. Она была забита контейнерами свежей крови: на ярлычках указаны точное время, раса донора, кому предназначено. Срок хранения – всего три часа. Самина выбрала те склянки, время которых подходило к концу. И не тронула их.

Ей вспомнились тонкие шрамы на ключицах Сиби, которые та стыдливо прикрывала весь последний год. А еще царапины на шее, спине и запястьях. Они то появлялись, то молниеносно исчезали, а капсул анальгетика в доме мачехи становилось все больше. Самина беспокоилась, а Сиби отмахивалась новым увлечением. Спортом. Ясно теперь, что за спорт это был. Самина видела и рабынь капитана, и что он с ними делает, когда наскучит офисная канитель. Но Бритцу мало было рабов. Он развлекался с первой красавицей планеты и не мог удержаться, чтобы не кормиться ею время от времени!

Хрустальный флакон, маркированный полчасом назад,

полетел на белый ковер. Расцвели багряные всполохи крови. Захваченная страстью, одержимая, девушка вдруг поняла, что вовсе не причиняет вреда эзерам. Глупая импульсивная выходка! Ведь убирать придется и без того изможденным рабам, да еще их же кровью и восполнят разбитый запас. Вот свинство. Но обойдя убитый ковер и возвратясь к тому, с чего начала, она подумала так: на хороший звук прибежит одна из этих девочек. Она откроет дверь и от потрясения забудет ее запереть. Пока мнется, рискнуть ли вызвать хозяина, Самина выскользнет за дверь.

Биолог опустила руку в самый большой контейнер (обжора Бритц, сколько же в тебя влезают!) и поболтала там браслетом. Этого оказалось достаточно, чтобы датчик всхлипнул и перестал мигать. Значит, прекратилась подача сигнала. Самина выудила руку из крови, брезгливо вытерла ее о плед и бросила склянку в окно.

Стекло, конечно, не разбилось, но бдзынь вышел потрясающий. В коридоре зашуршали, и девушка подбежала к выходу, чтобы не упустить момент. Оттолкнуть рабыню со всей дури и выскочить в коридор. Служанка распахнула дверь, увидела кровь повсюду и открыла рот, чтобы закричать. Но лишь пискнула и сжалась под взглядом Самины, когда увидела, что та приготовилась драться. Биолог вдруг смутилась такой реакции. Сделать ей больно сейчас – это как ударить больную собаку. Раб боится защищать себя, он сломлен еще до удара. Самина опустила руку, но рабыня вдруг дернулась,

как ужаленная, и беззвучно повалилась вперед.

– Бен!

Это он оглушил шчеру и выглядывал теперь из коридора. Всклокоченный, чумазый. Родной.

– Быстрее, Сэм! Не знаю, долго ли она проваляется так.

– Я наделала шума, Бритц вот-вот появится...

Бен замотал головой и потащил ее за собой:

– Он еще у председателя.

– Точно? Бен, точно?

– Сам только что оттуда. Видел, как эта дрянь прилетела.

Мимо проходили эзеры, но Самина здесь была по секрету, и на двух людей не обращали внимания. Редкие шчеры шарахались от странной парочки.

– Бен... Бензер!

Он нехотя остановился:

– Ну, что?!

– Зачем ты ходил к Харгену?

– Рассказал ему, что у синтетика есть план уничтожения магнетарной цепи. Сказал, что...

– Что ты сказал? Ну!

– Ничего! Сказал, что робот выкрал данные из архива о бинаре-наводчике и... чтоб усилили охрану реле. Бежим, Сэм, время!

– Прямо так и сказал – «реле»?

– Уж лучше так, чем дать фору андроиду! Сама ведь понимаешь. Сегодня он лечит бродяг, а завтра пропустит нас

всех через мясорубку.

То есть Харген теперь знал, что они знают. Но насчет имперца Бен прав, ох, как прав.

– Как ты меня нашел?

– Помнишь, нас забрали в полицию, когда я подрался в клубе? – он хохотнул, ностальгируя. – На втором свидании! У тебя до сих пор их маячок в зубе. Я его отследил.

– Бен, а что насчет меня? Ты выдал, что я знаю о жрицах?

– Нет, конечно нет! За кого ты меня... Ты совершенно не при чем! Но он приказал мне увезти тебя с Браны поскорее. Здесь небезопасно.

– Подожди. – Она затормозила, и мужчине пришлось затормозить тоже. – Он велел мне улететь, потому что... здесь для меня небезопасно? Бен, ты ведь слышал, что сказал андроид! Для Харгена только на руку, если сгинет последняя жрица!

– Прекрати ему верить! Робот думал, я трухач и не пойду к Харгену. Робот пророчил мне смерть в его кабинете, ха! Твой отчим рассвирепел, стоило мне упомянуть бункер. Разумеется, он и мысли не допускает, чтобы избавляться от тебя. Или кого-то еще, кроме синтетика. Сэм, он тебе почти отец. Может, у вас были разногласия прежде, но... боже мой, его сын уже в плену, ты у него одна теперь. Он просто хочет спрятать тебя, Самина.

Они зашли в лифт для нелетающих эзеров и посетителей башни. Вместе с ними спускались другие пассажиры, и Са-

мина ждала несколько минут, чтобы выйти в холл и задать вопрос, за который, она знала, трудно простить.

– И он доверил это тебе?

– Да ты... Это уже переходит все границы. Ты настолько мне не доверяешь?

– Не в этом дело, Бен. – она отступила, понимая, что дело-то, в целом, именно в этом. – А насколько тебе доверяет Харген?

– Я не питаю иллюзий по поводу его доверия и вообще его мнения обо мне. Но он хотел, чтобы никто из спецслужб не знал, где тебя искать. В полиции одни наемники, в армии – трепло и тупицы. Он доверил тебя тому, кто вне политики, и кому ты дороже всех на свете.

Это было чересчур тепло и больно. И стыдно за пещеры. Самина еще помнила раздвоенную ленту у себя на языке.

– Куда мы теперь?

– На Халут, там большой реабилитационный центр. Психушка, иначе говоря... У меня там связи. Зарегистрируют тебя как анонимную пациентку, и концов не найдешь.

– Тогда лететь надо скорее. Кайнорт будет искать меня.

Она всерьез пересмотрела свою теорию насчет ума и характера. Теперь она звучала примерно так: если ты по-настоящему умен, ты не можешь быть по-настоящему злым... только если ты – не Кайнорт Бритц. Наконец они вышли черным ходом. Кибернетик перелистал расписание вормхоллов.

– Черт. Следующее окно только вечером. Ладно, пере-

ждем на месте, поклоняемся по залам ожидания. Надо пройти регистрацию, пока он не обнаружил твой побег и не предупредил блокпосты. И затеряться в зоне вылета.

– Я не уверена, что умею теряться. И посмотри, я с ног до головы в этом свинском белом.

– Никогда не была в вормхолле? Там на каждом углу автомат с этим вашим женским реквизитом – краской, шмотками...

– Каждая женщина немного шпион, Бен, – улыбнулась она.

– Да. И не сомневайся в нас, поняла? Мы за хороших, а значит, победим.

* * *

Красная лужа на ковре захлюпала под кедами эзера. Чуть-чуть не успел. Он обвел взглядом треснувшее стекло в окне, незакрытый холодильник с испорченными капсулами, битый хрусталь на полу и софе. Железный запах. Кровь, кровь, кровь.

– Айса, – негромко позвал он, и в дверном проеме возникла рабыня. Вторая из той пары, что он приставил к мерзавке. Шчера беззвучно плакала, глядя на тело подруги у порога. Той, которой досталось шокером от Бена.

– Простите, минори... – залепетала она, падая на колени.

– Доверил вам простую вроде бы вещь. – Кай равнодушно прошел мимо, к лежащей рабыне. Он присел, нашел пульс на ее шее. Взял за подбородок и дернул назад до классиче-

ского хруста. Айса вскрикнула, припала еще ниже и принялась тихонько завывать.

– Что? Я бы все равно замел следы. На вас же совершенно нельзя положиться.

Бежать... но у девчонки от страха отнялись ноги. Сложный аромат чего-то горького и сладковато-пряного был самым жутким в ее жизни сочетанием запахов, которые она никак не могла распознать.

– Встань, Айса.

– Пожалуйста, минори, я не виновата! Я никому ничего не скажу! Я даже не знаю, кто она такая!

Бритц подошел к ней, и дымок из-за спины был только началом. Он вздернул ее за волосы, одним рывком возвращая на ноги.

– Встань! Мне неудобно убивать, когда ты на коленях.
Кофе. Цитрус. Все.

9. Глава с агрессивным дизайном и гарантией три минуты

Эйден пришвартовался к хлипкому на вид стардеку – одной из множества палуб астробазы. Название-то какое – астробаза! Весь рынок целиком был похож на развернутый в космосе перекидной календарь. Такой веер на пружине, только гигантский. Лавки и салоны ютились друг над другом, каждый магазин на отдельном деке с удобствами разной степени заботы о клиентах: кое-где даже с якорями гравитации, стабильной атмосферой и вендинг-машинами. Андроид придиричиво облетел сотню вкладок и выбрал ту, что не сильно дымилась и принимала чеки. На черном рынке предпочитали наличные, но у профессора их с собой не оказалось, а Эйден и не жил никогда при живых деньгах.

– Как вы там расплачиваетесь? – удивился Кафт.

– Генными РН-Кредитками. У нас везде достаточно коснуться терминала.

– А я-то думал, зачем тебе кожа с псевдо-генами.

– Последние двести лет – для красоты, ведь императору все необходимое достается бесплатно. Хотя не всех налогоплательщиков устраивает такая формулировка, – робот криво улыбнулся. – Жаль, я не заглянул в обменник перед тем последним вылетом.

– Весь рынок бы скупил?

– Даже у меня нет таких средств.

Шима поперхнулся от изумления:

– Как? Ты же величайшая шишка в империи!

– Я говорю о личных средствах. Моей династии только двести лет, и я в ней пока один. Да, я мажоритарий нескольких корпораций, но такой восхитительный базар я не могу себе позволить.

– А за счет государственной казны?

– Интересно, как бы я объяснил это парламенту. На кой балдж Ибриону этот вшивый рынок?

– Блошиный, – поправил Шима.

– Джур риз Авир – вот кто у нас непристойно богат. Не будь он транжирой – давно бы купил весь Альянс: вместе с магнетарами и брелком в виде сушеной головы Харгена.

Они рассудили, что торговец, принимающий электронные платежи в такой помойке, может сотрудничать с полицией, и андроиду там лучше не показываться. Несмотря на потерю имперского лоска и обшарпанность, Эйден всюду был легко узнаваем. Бой с палачом сделал из него селебрити. Но относились к нему здесь по-разному.

– Доверяю тебе, как себе, – робот прицепил жучки на комбинезон профессора.

Шима спустился в шлюз, где его встретил продавец, а Эйден закрепил на краю стардека тросы, по которым их покупка должна была съехать прямо к стыковочным нишам. Он

прицепил на кончик уха клипсу наушника.

– Какой еще фальсификат? – обиженно звенел динамик. Забулдыга в промасленном рабочем фартуке показывал Кафту товар. – Импортный резерв, для себя угна...хранил. Красотуля моя, жалко ж как продавать... Агрессивный дизайн!

– Это Вы о рельсотроне на корме? С кривым запаянным стволом, – засомневался Шима, но владыка маркетинга поймал свою волну:

– Мощный, как пульсар, а расход, как у птички. Есть морозильник, галююн покрашен. Вчера вот только. Да он просто напичкан инновациями!

– Некоторые отваливаются прямо на ходу. – Кафт продемонстрировал. От удара его мячика из обшивки выскочил титановый болт. – Могу я получить скидку?

– Вряд ли.

– Это потому что я киборг?

– Не кипятись! Скидку никак, братишка... – продавец вернул болт на место и прихлопнул ручищей. – Уникальный экземпляр. В этом модуле застрелились две рок-звезды – эксклюзив! Кровь так и не оттирали.

В ухо Шиманая зашептал суфлер:

– Спроси, откуда нам знать, что это были именно звезды, а не его подружка? Или наркодилер? Или кот сожрал крысу прямо на кровати?

Но у профессора язык не повернулся, и скидки он не до-

бился. Тут в запястье Эйдена завибрировало. Робот отвлекся, чтобы глянуть на браслеты: опять Кайнорт спрашивал очевидную глупость. Он на каждый свой шаг теперь будет ждать одобрения? Андроид поднял руку к белой консоли над штурвалом, очертил двумя пальцами маленький квадрат у ее поверхности и отправил в ответ. Шима тем временем заполнял гарантийный формуляр на покупку. Модуль клялся жить целых два часа до – и три минуты после их первого варп-прыжка.

Профессор уже возвращался на борт, когда на торговой площадке вдруг поднялась буча.

– Э, Шиш! Гравитанты свои отключи, придурок! – орал куда-то вверх консультант-забулдыга. – У тебя якоря не сертифицированы. Я в полицию стукну, э!

С потолка, который был полом для соседней вкладки базара, свесился рыжий бес:

– А клиентам нашим как трахаться! У меня бордель, а не луна-парк.

– Иди ты! У нас вибрация по потолку весь день.

– Эт мои девочки в миссионерской позе работают, – хрипло усмехнулся рыжий и пропал за козырьком.

Продавец выругался и толкнул новый модуль Шимы с верфи на тросы. По пути к краю вкладки он со всей мочи вдарил по потолку монтажным ломом. Там загудело.

Тут нельзя сказать с полной уверенностью, повезло экипажу андроида или нет. Во всяком случае новости были как

плохие, так и хорошие. Хорошие заключались в том, что Шима успел юркнуть в шлюз. На этом все. Крыло, полное инноваций и агрессивного дизайна, еще скользило к счастливому покупателю, когда вкладка рыжего беса взвизгнула и обрушилась на площадку снизу. Бордель прихлопнул за булдыгу, все его развалюхи и оплаченный модуль Шимы. Их прибило, как зазевавшихся тараканов, гулявших по открытой книжке. Ударом атмосферной волны корабль Эйде-на чуть не сорвало с дека. Корабль трянуло, Эйден врезался головой в потолок, а Шима влетел из шлюза в рубку, сорвав клинкет. Робот поспешил вернуть дверь на место, чтобы избежать утечки кислорода. Ну, и дела были снаружи.

Плита с борделем, кроме прочих разрушений, защемила стыковочные тросы, и Эйден не мог отшвартоваться. Сквозь иллюминаторы шлюза был виден кусок их нового модуля. Он торчал из-под железной плиты, и это было... скверно. Нет, это было «да как так?!».

– Хорошо, что ты не пожадничал на гарантию... – поддел синтетик.

– Смотри!

Эйден обернулся. За окном разлетались тела. Несчастные, что оказались снаружи борделя, когда рванул гравитант. Кое-кому из клиентов рыжего беса повезло барахтаться в скафандре.

– Им-то что... Их-то подберут. – буркнул Кафт.

Жаль было девочек с витрины: они рискнули завлекать

клиентов без защиты и запасов кислорода. Их ждала скорая, но мучительная смерть в космосе. Кое-где из других вкладок поднимались корабли, похожие на старые мусоровозы. Они надеялись выловить полуживых бедняг, но времени и шансов было мало, и Шима махнул рукой, не в силах смотреть. Их модуль сейчас ничем не мог помочь. Даже себе.

– Не могу отстыковаться. – Эйден дергал рычаги, но тросы не поддавались. – Я выйду наружу и отрежу их.

Хорошо, что он не успел.

– Эйден, нам конец! – воскликнул Кафт и отскочил к дальней стене.

С площадки рыжего, как с покатой крыши, заскрежетал вниз модуль борделя. Весь увешанный разноцветными огнями, разрисованный похабными граффити, он скользил к их кораблю, набирая скорость.

– Он несется прямо на тросы! – кричал Шима.

– Может, и ничего? – шепнул робот, понимая, что им уже не спастись. – Или раздавит нас, или отшвартует наконец. Шима, а ты сам еще на гарантии?

– Киборгам их не выдают. Для этого я и возил с собой мозговой субстрат!

– Прости.

За секунду до столкновения они нырнули под консоль у дальней стены. Крыло-бордель скатилось по тросам и врезалось в корабль. Один трос оборвался сразу. Второй натянулся и треснул следом. Их вынесло в космос, повсюду завопи-

ли индикаторы внешних повреждений.

– Мы тащим бордель за собой! – Кафт вывел записи внешних камер на экраны.

– А он попал точно в ниши для стыковки, – заметил андроид. – Кривовато, но встал. Поздравляю, мы обзавелись парусом.

– Позор... позор, какой позор. Наше первое крыло – проститутошная...

– Старый ханжа. «Модуль терпимости»! Сходи проверь, есть ли в нем энергия.

– Я не пойду в бордель, Эйден! – профессор вложил в отказ всю решительность, какая только у него была. Но его спас приоткрытый шлюз нового модуля:

– Да есть, есть! – в рубку сунулось золотистое личико. – Энергии под завязку.

Девчонка ойкнула, когда мячик киборга угодил в нее, но почти сразу показалась целиком. Она была в строгой рабочей униформе: стринги, блески.

– А это... может, у вас есть, чего пожевать?

– Я клянусь, это войдет в твою краткую биографию, Эйден риз Эммерхейс, – обернувшись, пригрозил Кафт.

* * *

Яйцо из вольфрама – с внушительным парусом цвета фуксия и броскими огнями – катилось в черном и скучном космосе.

– Рыжий Шиш всегда следил, чтоб батареи заряжены бы-

ли. – проститутку звали Пти, она была из безобидной расы золоченых амадин. Пти сидела в кресле пилота, болтала ногой и грызла мясные чипсы. Шима вывалил ей весь запас провизии. Он не знал точно, чем кормят амадин. – Ну, чтоб когда копы устроят рейд, мы вещи под мышку и драпать. Только копы тут все андроиды. Все равно каждый раз ловили.

– ...полоний, иридий, золото, диспрозий, европий, цезий... – бубнил Кафт.

– А ты случайно не межзвездный пилот? – спросил Эйден. – Не поведаешь нам слезливую историю, как была отчислена из элитного подразделения, долго скиталась и попала в бордель?

– Хах, первый раз вижу андроида с фантазией! – голос у нее был грудной, мелодичный. – Нет, кис, ты че, я ж глупая. Отчислить-то меня отчислили, да – из портных. Ой, а яблоки тоже можно?

– Ешь, я завязал с тяжелыми наркотиками, – робот утащил профессора за рукав в коридор.

– Шима, нам по-прежнему нужны еще два паруса и пилот.

– Ну, нет у меня идей. К тому же придется отправить эту... амадину домой в нашей спасательной шлюпке.

– Дак давайте я останусь! – Пти их подслушала, и Кафт загремел:

– Нет, конечно!

– Да, вместо профессора, – кивнул андроид. – Нет про-

блем.

– Я серьезно!

– И я серьезно, золотце. У тебя хоть нет мотива меня убить.

– Честное слово, я буду очень тихо сидеть... Да и куда вы меня отправите, мне же лететь-то некуда. Паспорт забрал Рыжий Шиш. Визы и лицензии у меня нет, даже одежды приличной. Стразы, пайетки да мех... Ведь первый блокпост – и в каталажку.

Эйден был не то чтобы против. Девчонка раздражала Шиманая и одним этим уже представляла ценность. Не говоря уже о пользе чисто эстетической. Но положение их не располагало к лишней ответственности.

– Пти, с нами опасно. Шима киборг, а я вообще. Мы не умеем управлять варп-навигатором и у нас почти нет еды. В каталажке хотя бы кормят и не каждый день могут убить.

– О... а вы серьезно летите к Алливее без провианта?

– Мой штурман идиот.

– Кис, насчет этого не заморачивайся. Золоченые амадины едят раз в месяц, и в этом месяце я уже все, – она проглотила хвостик от яблока. – А, забыла! Батареи в борделе Шиш собирал из мусора, на коленке. Только девочки и умели за всем присмотреть. Настроить, коли-бри-вать, отладить.

– «Калибровать», – буркнул профессор. – Мы сами разберемся, спаси...

– А то как рванут.

«...а у Шимы и субстрата нет» – екнуло у синтетика. Решение приняли единогласно:

– Оставайся.

Робот задумался. Несколько минут тишину в модуле нарушал только звон кончика его пальца о сталь обнаженной челюсти справа.

– Слушай, Пти.

– М?

– А эти копы насколько хорошо летают?

– Как шестикрылые серафимы, – мечтательно вздохнула амадина, будто намекая, в какой валюте она платила им штраф.

– По двое в модуле?

– Это за девчонками-то? По одному, конечно!

– Хочу завести себе ангела той же породы. Надо только изловить.

– Могу я полюбопытствовать, насколько безумен твой план? – встрял Шиманай.

– Он страшно бездарен, вот и все. Но пожалуй, хватит с нас мудреных сценариев.

10. Глава с ноткой мыла. В главной роли – Ирмандильо Тарталья

Они вышли к магистральному траншу и взяли курс на спальный район системы. Кораблей здесь было меньше, чем в секторе астробазы, но все солидные, чинные. Космический мусор не служил им запчастями, а болтался нетронутым. Сразу видно: в приличный район попали. Невдалеке показался бизнес-центр, занявший целый пояс астероидов, с торговыми площадками для среднего класса. Рядом висела здоровенная пирамида из модулей охраны правопорядка.

– Куда тебя несет? Не прижимайся к ним! – прошипел Шима, имея в виду полицию.

– Надо, чтобы они просканировали нас. Понимаешь, в чем дело: роботы у вас не нарушают, а киборгов не пускают на звездолеты. Их дозор увидит одну Пти.

Пирамида копов сверкнула гранями, а корабль повернул с торговому центру. Этот был выполнен по всем правилам: никаких опасных вкладок и шатких потолков, никакой контрабанды и коррозии на швах. Площадки с модулями располагались на платах размером с хайвэй, а те были свернуты в ленты Мебиуса. Так на них умещалось больше товара, к тому же они не могли схлопнуться или свернуться в случае неполадок с гравитацией, как на базаре. Владельцы цен-

тра позаботились и об общей атмосфере в салонах. Таких вот лент, широких и узких, заполненных модулями и полупустых, здесь были сотни тысяч. Эйден выбрал площадку, на которой готовился к приему товара предыдущий покупатель, и подвел корабль к стардеку для парковки. Он кивнул на счетчик:

– Смотри, я тысячный покупатель. Вдруг мне полагается парус бесплатно?

– Здесь что ни час, то миллион. – отмахнулся Кафт. – Станут они разоряться.

Андроид сделал вид, что заело систему швартовых: то открывал их наполовину, то снова закрывал. Нельзя было позволить продавцу закончить их стыковку. Модуль, который только что оплатили, заскользил по соседним тросам к другому кораблю.

– Ну! – Шиме не терпелось.

– Рано. Хотя...

Ведь его глазомер был уже не тот. Эйден мотнул головой вправо-влево, чтобы оценить расстояние.

– Вот сейчас, – он кинулся наперерез новому парусу и зацепил его своим бортом.

– Попал?! – вскочил профессор.

– Пока не знаю.

Модуль сорвало с тросов обалдевшего покупателя и потащило за кораблем угонщиков.

– Точно в стыковочные ниши, – выдохнул робот, глядя на

оповещение системы: «установка крыла завершена с незначительным креном».

– Мы и третий угоним?

– Нам не дадут больше подойти ни к одному стардеку.

– И в этом был план?! – Кафт заламывал руки, которым вдруг не нашлось, чего бросить. – Полюбуйся, за нами полиция!

От гладкой пирамиды блокпоста отделился полицейский модуль. Он крутанулся на месте, как волчок, и бросился догонять мошенников.

– Эйден, ты будешь прыгать, наконец?

– Сейчас – нет. С ума сошел? Я попал на Брану из-за неуклюжего маневра – зацепил бриг Самины. И тогда у меня было два глаза. Мой пилотный максимум – обойти Бензера на карфлайте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.